

ИЛЬЯ АРСЕНИН

Я рисую город

18+

Илья Арсенин

Я рисую город

<https://litres.ru/73984591>

SelfPub; 2026

Аннотация

В разгар июня на улицах Петербурга замечают бурлаков – людей, поразительно похожих на персонажей знаменитой работы Ильи Репина. Для местного музея это не первая пропажа – объекты уже какое-то время исчезают с известных картин и ставят под угрозу проведение крупнейшей выставки. Дети с перовской "Тройки" гоняют по улицам на электросамокате, нищий с "Боярыни Морозовой" просит милостыню, а бухарские воины с картины Верещагина грабят ювелирку, рассмотрев на витрине восточные мотивы. На условиях тайны разобраться с ситуацией подражают Савву Красильщикова – художника и арт-консультанта. Но день для него не задаётся, закручивая чередой вроде бы несвязанных событий. Сначала он, страдающий от бессонницы, в ночи спасает с крыши девушку Машу, тут же прозванную им музой, а затем получает два предупреждения не лезть не в своё дело от разных людей И, разумеется, пренебрегает обоими.

Первая часть трилогии о свободе, самовыражении и о том, что мир не такой, каким кажется.

Илья Арсенин

Я рисую город

Пролог

Я успеваю завернуть под навес двора-колодца, не дотянув до роскошеств знакомой мансарды совсем чуть-чуть. Зонттик придумали трусы, так что у меня его нет. Можно обзавестись играючи, на ходу, и вряд ли это сместит баланс хоть на йоту, но, пожалуй, от такого потока воды даже укреплённые японские спицы не спасут. Остаётся терпеливо ждать и разглядывать наскальную живопись на болезненно-жёлтых стенах, которые в сгустившемся мраке непогоды кажутся тюремно-серыми. Массивная кованая решётка произвольно продолжает ассоциативный ряд.

На гранитных ступенях метро пять минут назад я едва разминулсЯ с белобородым стариком, будто вырезанным музейным вором из старинной картины. Что ж, искать везде аллюзии на классическую живопись – мой пунктик. Замотанный в странный красный саван и прижимавший к себе плохо обтёсанную доску, словно заповедную скрижаль, беглец картинно проклинал небо:

– Этому миру конец! Грядёт новая эпоха!

Через мгновение небо, зависшее вытекающими чернилами над невысокими, сторбленными домами предыдущих

столетий, ему ответило. Капли начали играть на асфальте свой ноктюрн, обращая нас в бегство. Они, как хороший пианист, постепенно вкладывали всё больше эмоций в минималистичный ритм и наконец достигли кульминации.

Тогда что-то противоестественное, зреющее глубоко внутри, заставило меня обернуться. И молния, сверкнувшая в этой оглядке, кажется, опалила меня самого. Я несколько секунд ловил мимику прохожих и наконец понял, в чём дело: примерно так выглядит «Последний день Помпеи» Брюллова, знакомый мне до последней «морщины» холста. Жрец – там, где ему и положено быть, кто-то обязательно придёт на место священника, но изучать композицию и распределение ролей уже некогда. В атмосфере аллюзий непроизвольно захотелось спасти собственную жизнь.

Быстрым шагом я свернул на одну из соседних улиц, параллельно примечая крытые галереи дворов, в которых можно было переждать надвигающуюся грозу. Ещё одна молния с хирургической точностью прорезала небосвод над закопчённой лепниной доходного дома и заставила принять решение. Через секунду её попытался догнать приятель-гром, но они разминулись из-за физических законов мира да так и не поговорили.

И вот я здесь. Как княжна Тараканова на картине Флавицкого, прижимаюсь к стене на фоне прибывающей воды. Разве что испуганных крыс не видно, да и бояться мне вроде бы нечего. Как говорил мой старинный друг, а может быть, уже

не друг – давно не проверял: «Не грусти, а то хуже будет!». Стараюсь всегда следовать его совету.

Одна из надписей по соседству, выведенная почерком бывалого врача с его профессиональным тремором, недвусмысленно напоминает: «Здесь был ты». Глупо это отрицать.

– Удивительно! На дворе цифровое будущее, но мы всё так же вздрагиваем от раскатов грома и появления молнии, как люди каменного века, выглядывавшие из своих пещер, не находите?

Странные типы с каким-то маниакальным постоянством материализуются сегодня рядом со мной так, что я даже этого не замечаю. Но сейчас по крайней мере этому есть хоть какое-то оправдание: плотная стена воды наполняет улицу и подбирается к нашему крошечному убежищу. Звучит она оглушающе – к голосу со стороны приходится прислушиваться.

Источник сообщения стоит в шаге от меня и мечтательно смотрит на водопад, завоёвывающий соседние здания. Обычный, неприметный человек лет тридцати пяти, с острыми, почти стариновскими чертами лица, насколько можно разглядеть при дефиците освещения, в строгих брюках и аккуратной рубашке, закатанной до локтей. На фоне единственного фонаря в проёме дома, неестественно зажжённого посреди дня, с образом офисного клерка контрастируют стильные тёмные очки, совершенно бесполезные в моменте. В комиксах таким образом помечают злодеев, и что-то мне

подсказывает, что культурные коды не могут ошибаться.

— А вы жили в каменном веке? Поделитесь опытом. Как там, саблезубые тигры не досаждают? Мамонты всё такие же вкусные?

Реакция исчезает в нюансах непогоды, а здесь их не меньше, чем оттенков зелёного на картинах Шишкина. Если долго смотреть на дождь, начинаешь различать хитрые сочетания капель и ручейков, для которых в русском языке даже нет названия.

— Учитывая, что человек не меняется, а меняются только времена, в каком-то смысле да. Мы все жили тогда и продолжаем жить сейчас, — отзывается собеседник, так и не встретившись со мной взглядом.

Я инстинктивно пожимаю плечами. К чему это всё? Лужа потихоньку приближается к ногам — ливень и не думает притормозить, злится на только ему понятном языке. Завтра будут говорить про треть месячной нормы осадков и хвастаться прочей статистикой для новостных лент, но сегодня месячная норма живая и пульсирующая, ей нет дела до цифр.

Мимо с улюлюканьем пробегают несколько подростков обоих полов в прилипшей одежде. Им весело и совсем не зябко в отличие от нас, взрослых. Невольно завидуешь. С возрастом необъяснимый страх всё глубже пускает корни в душе, и ты тщетно пытаешься докопаться до сути, найти причину.

— Ливнёвку не продумали, да?

Я ищу для безымянного короткое прозвище, не видя возможности беседовать с кем-то абстрактным, но не нахожу. Он, будто сторонясь моих усилий, делает пару шагов вглубь галереи – старается не замочить дорогие летние ботинки, надетые на босу ногу, и по-прежнему избегает зрительного контакта. Происходящее всё больше напоминает меланхолическую сцену из чёрно-белого кино, застывшую в длинном плане. Вот только что делать дальше, режиссёр не сказал. Придётся импровизировать.

– Надо написать в Управление по борьбе с обращениями граждан. Должны починить.

Он каркающе смеётся, но его реакцию заглушает очередной трескучий раскат грома, похожий на кашель астматика. Подворотня на миг озаряется ярким светом и снова погружается в ночь посреди дня.

– А вы забавный! Юмор – это хорошо, помогает заводить врагов. Ну или на худой конец друзей, если вдруг не повежёт... Вот и мы могли бы с вами сойтись – с таким везением. Как там писал классик: «лёд и пламя»?

Про пламя он добавляет уже холодно, словно ставит сноску в тексте. И в ней льда, как в стакане виски из дешёвого бара, где под закрытие пытаются облапошить уставших и порядочно охмелевших клиентов:

– ... при других обстоятельствах.

Вторая сноска, ещё более резкая. Скучная, академическая.

– В хорошую погоду?

– А чем вам эта погода плоха? Не погода делает человека, а наоборот.

В доказательство воздух становится тягучим, словно патока. Струи воды вокруг замирают в странной паузе, которую сложно описать словами: они превращаются в иллюстрацию, а звуки резко гаснут. Этот эффект мне прекрасно знаком, но каждый раз всё равно вызывает мурашки, если не оторопь. Впервые в жизни я встречаю того, кто, как и я, может творить статичную реальность. А вот брать по ту сторону кого-то ещё – пока не в моей власти.

– Здесь тесновато, пройдёмте?

Безымянный кивком головы указывает куда-то в сторону внутреннего двора, где хищно клубится тьма. Возникает ощущение, что он полицейский, который застал подростков за распитием в подворотне и ведёт сдавать их родителям.

– Мне мама не разрешает никуда ходить с незнакомыми дядями...

– Ох! Маму, конечно, расстраивать нельзя! Извольте! Лилицкий, – он протягивает мне руку. – Друзья зовут меня Лис. Но мы вроде как не определились, так что решайте сами.

Я ловлю большую, слишком изнеженную для мужской пятерню, чрезмерно аристократическую и податливую, но не игнорирую и крепко жму.

– Интересный у вас псевдоним... Вы случайно не Лазарь Маркович? Тот, что написал «Клином красным бей белых»?

– спрашиваю его, вспоминая пропагандистский плакат времён Гражданской войны работы его однофамильца под псевдонимом Эль. – Супрематизм я люблю. Кстати, а ваш приятель Шагал тут нигде не ошивается? Всю жизнь с художественной школы хотел с ним поболтать... С того момента, как впервые увидел «Автопортрет с семью пальцами»...

– И что ему передать?

– Где он взял нейросеть в 1913 году?

На этот раз новый знакомый смеётся ещё громче.

– Нет, нам точно надо подружиться! Если всё закончится благоприятным образом... Красным белое или наоборот, не суть важно. В жизни всегда бывает две полосы – одна за другой. И в зависимости от результатов нашего разговора вы сможете понять, на какую только что попали. Всё просто.

– После такой аннотации буду взвешивать каждое слово, как конфеты в магазине... По одному.

Лис не отвечает, а вместо этого настойчиво провожает меня во двор. Вокруг – стандартный колодец, старые облупившиеся фасады, пара лохматых деревьев, точно только очнувшихся от прерывистого и беспокойного сна, несколько машин, одна из которых, разумеется, стереотипная советская рухлядь, успевшая врасти в землю. Асфальт местами провалился, собирая мусор и окурки, формируя некультурный слой. Приятные глазу эркеры одного дома соседствуют с нелепыми застеклёнными балконами другого. Они как странные сиамские близнецы, удивительным образом соеди-

нённые назло природе, а после разделения росшие порознь.

Безымянный, или Лис, хотя мы точно не друзья – я определился, отходит шагов на десять и поворачивается в мою сторону. Так что ли стрелялись в пушкинские времена? Вряд ли он просто хочет продолжить разговор на почтительном расстоянии.

– Что дальше? – в нетерпении спрашиваю я.

И ловлю себя на мысли, что в личном рейтинге – это самый популярный вопрос последних суток. Какова реальность за пределами пузыря, сотворённого незнакомцем, можно только предполагать. Закончился ли дождь и уступил место радуге? Вопросы на редкость несвоевременные, но мысли не запереть в клетку.

С противоположной стороны проходного двора появляются двое, подозрительно похожие на Лиса. Они замирают чуть позади патрона, как вкопанные, и не отрываясь смотрят на меня. Живые или куклы? Отсюда и не определить.

– Я тут тоже кота нарисовал. Теперь вот по дому бродит, жрать просит. Корм сегодня учился выбирать... В смысле я, не кот... А вы, вижу, вообще богомерзкими вещами балуетесь. Автопортреты приводите в наш бранный мир. Нехорошо!

– Не такой он уж бранный. Вы, Савва Степанович, зря упорствуете!

Почему-то ни капельки неудивительно, что он знает меня по имени-отчеству, а я его нет. Что ещё ему известно?

– Процесс не остановить, но его можно возглавить. И да, если что, это предложение. И оно, как маркетинговые акции на маркетплейсах, истекает через минуту.

Он картинно смотрит на стрелки часов, которые по эту сторону реальности вряд ли могут далеко уйти.

– Покупайте или закрывайте страницу! Отсчёт пошёл.

– Осмелюсь спросить, что будет, если у меня нет денег?

Лис закатывает глаза и вздыхает, но его приторная, нагловатая улыбочка, которую хочется тычком ладони смыть с лица, остаётся на месте.

– Придётся выключить вас из игры на первых минутах, пока вы не поняли, что к чему. Так сказать, посадить на скамейку запасных. Футбол смотрите?

Не обязательно смотреть, чтобы понять аллегорию.

– Чтобы не мешались под носом, словно муха. Так долго сидели себе спокойно, не интересовались происходящим, ели-пили, а тут принялись жужжать. Где ж вы раньше-то были? Столько таланта, молодости, но минимум любознательности: жуткая комбинация. Унылые хомячки, бегающие по кругу, вместе с остальными семьёй миллиардами... Вы когда-нибудь пытались проникнуть в суть вещей, понять, откуда вот это вот всё?

Он делает вид, что рисует. Изящно, словно репетировал. Окружающий мир уместается в несколько узоров, и я ощущаю его полноту.

– Это прискорбно... Раз вам неинтересно, отойдите в сто-

рону и просто не мешайте другим. Жаль, конечно, но у нас разговор короткий.

У кого это у них? И откуда он в курсе, что я сидел спокойно. Может быть, дёргался во сне, вспоминая детские кошмары.

– Раз короткий, не стоит его удлинять. Давайте быстрее, Лисицкий, или как вас там?

– Как угодно!

Он достаёт блокнот и разминает руки. Это уже даже не намёк, а прелюдия, у которой явно будет продолжение.

– У вас же нет подмастерья, могу временно выделить своего! – великодушно предлагает Лис и еле заметно кивает на сопровождающих.

Подмастерьями мы называем секундантов. И хоть подобные ситуации случаются редко, учить матчасть любому художнику рано или поздно приходится: в шутку или всерьёз. Опытным дуэлянтом меня не назовёшь, но, с другой стороны, кого можно? Все битвы в репинской мансарде были не более серьёзными, чем пара раундов в онлайн-игре у подростков. А вот так, с непонятными перспективами, выходить один на один нам не приходилось. Ну почти.

– Кто вы такой на самом деле?

Ещё один популярный вопрос дня повисает в воздухе. Не получая ответа, а только многозначительную полуулыбку, даже четвертьулыбку в стиле Мона Лизы, я вторю противнику и достаю собственную канцелярию.

– Всему своё время. Или вы испугались, Савва Степанович? Что в принципе удивительно, учитывая всё, что мне о вас рассказывали.

– Кто обо мне что-то может рассказать? Я всё-таки не звезда кей-попа. Папарацци не становятся в очередь, чтобы запечатлеть мой нехитрый перекус из кустов.

– Помните Жеглова? Из сериала «Место встречи изменить нельзя»? Всегда есть человек, который что-то видел, слышал и всё в таком духе.

– Вы какой-то катастрофически не страшный... Оделись бы попримечнее – в лохмотья, например. Зуб выбили, штаны ободрали... А так с вами хочется не драться, а скорее подискутировать о современной живописи, раз вы тоже художник. Что там сейчас модно? Тащить весь мусор с улицы и придумывать подписи?

Лисы заходятся в троекратном хохоте, и эта реакция уже не похожа на человеческую – скорее намеренно искажённую. Культорганизатор в средней школе бы поводил желваками и отправил обратно доучиваться в театральный кружок. Копии растягивают длинное эхо, которое облетает двор в поисках выхода и, не найдя его, возвращается бумерангом.

– Хотел сказать, что вам бы поучиться на чужих ошибках, но тут же понял, что вы, так сказать, первопроходец. До вас никто в подобную ситуацию не попадал... на моей памяти. Досадно, да?

– Мне не свезло выучиться на чужих ошибках, потому

что они чужие – чужое брать нехорошо. А вот свои совершать приятно... Впрочем, благодарю за компанию, но мне действительно пора. Если мы таки не станем испепелять друг друга пишущими принадлежностями, я бы откланялся.

Выглядит слишком самонадеянно, но я недавно вычитал в одной умной книжонке за авторством очередного глянцевого бизнес-тренера о том, что нужно обязательно визуализировать успех. Только там не было написано, что в реальной жизни падать больнее.

– Вы мне уже за десять минут стали как родной, – уверяет Лис. – Поэтому я вас никому не отдам... сам прибуду.

Улыбка в буквальном смысле сползает с его лица и растворяется в окружающей полутьме. Меньше всего художественные дуэли похожи на порцию «гаррипоттеровщины» с волшебными палочками. Для окружающих, если бы им разрешили стать свидетелями, что строго запрещено неписаными правилами, происходящее, наверное, выглядело бы, словно сценическая постановка, где два человека пытаются выбить искры из устаревших бумажных носителей. Для нас же это сродни шахматной партии в замедленной реальности, в которой на каждый выпад приходит свой ответ – своевременный или не очень. Несколько секунд растягиваются на минуты и даже часы, пока у одного из противников не кончатся заготовленные художественные решения – или попросту силы. Подсмотреть идеи можно у классиков – или придумать самому, но реального времени обычно оказывается настоль-

ко мало, что жанры и образы закручиваются в хитрое цунами.

Лис оказывается куда более сильным соперником, чем мне казалось по его лёгкой бравате. Реагирует мгновенно и безошибочно, разрушая все эффекты, которые рождаются из-под моего карандаша. Я пытаюсь запутать его лабиринтом одинаковых дворов, похожих на тот, в котором мы находимся, но он ловко отбивает каждую подачу, растворяя в окружающем воздухе стены и подворотни, и в какой-то момент играючи переходит в атаку.

Проржавевший корпус «Волги», сливающийся с серыми стенами, распадается на глазах. Лис собирает его обратно в виде абстракции, которой бы позавидовали супрематисты, а, судя по его псевдониму, толк он в этой стилистике понимает. Символику отдельных элементов выцепить не успеваю – возможно, в них есть какой-то скрытый смысл, способный сыграть на моей стороне, но всё происходит слишком быстро.

Я силуюсь поставить защиту в виде стены из брусчатки, сваленной рядом заботливыми рабочими, так своевременно бросившими ремонт. Помогает едва ли. Странная волна геометрических фигур и осколков обстановки врежется в обшарпанную стену слева от меня, выбивая облако пыли. Ближко! Слишком...

Впервые за долгое время я понимаю, что шутки кончились, а шансы плохо закончить день возрастают многократ-

но. Мне нужно время, чтобы на ходу придумать план. Два куцых дерева за хилым забором лёгким движением руки превращаются в целый лес, который постепенно занимает всё пространство и прорастает сквозь глазницы домов и железные двери подъездов. Прошу прощения, парадных...

Для пущего эффекта стоящие по углам машины как по команде зажигают фары, прорезая тьму слепящим светом. Как финальная сцена из скандинавского нуара, где есть кровь, дождь и слёзы. Дождь вокруг, кровь стучит в висках, а слёзы могут появиться совсем скоро.

Лис отвечает не сразу. Складывается ощущение, что мой нехитрый этюд возымел действие, но только лишь на пару мгновений. В роще, торчащей посреди двора, начинает гулять ветер, который становится всё сильнее и обращается в настоящий ураган. Ветки падают вокруг меня, хлещут по лицу, осыпают листьями, а одна из них подсечкой, как из дзюдо, сбивает с ног.

Воздух с шумом выходит из лёгких. Пока я пытаюсь нащупать блокнот и добраться до откатившегося карандаша, столь ловко состряпанная иллюзия постепенно тает. Медленно – всё-таки сделана на совесть, но неумолимо.

В тот момент, когда я дотягиваюсь до канцелярии и готов перейти к следующему этапу нашего поединка, летние ботинки наступают мне на руки. Надо мной стоят два секунданта Лиса: отсутствующие выражения на лицах, абсолютно никаких эмоций, полная тишина вокруг. Кто-то заботливо

поставил этот мир на беззвучный режим, так что можно открывать рот, сколько захочешь. Как рыба за стеклом аквариума.

– Вот и всё, Савва Степанович! Достаточно! – их шеф говорит ровно, спокойно, без ощущения триумфа и излишнего пафоса, сопутствующего моменту. – Скажете, я смухлевал?

Я решаю скромно промолчать. Сам из гордости отказался от предложенного подмастерья, так что крыть особо нечем. Хотя трое на одного – скорее для уличной драки в подпитейной на барной улице в два часа ночи, чем для нашей художественной тусовки, в которой всё-таки есть некоторые условности.

– Сами понимаете... – словно читая мысли, продолжает Лис. – Вы очень сильны, признаю. Было даже чуть интересно... Если бы не две пары глаз вдобавок к моим, я бы точно провёл за разрушением ваших иллюзий кучу времени. Но цель оправдывает средства. И моё предложение о дружбе и сотрудничестве уже не в силе. Что думаете? Как помочь утопающему?

– Эээ, не мешать?

Ко мне возвращается дыхание, хотя вот так лежать на грязном асфальте носом вниз, будто ОМОН из сериалов про бандитов не особо бережно положил тебя мордой в пол при задержании – странное удовольствие.

Лис благостно улыбается.

– У вас находятся силы шутить?

– Смех и радость мы наносим людям, – пытаюсь сказать я, но выходит только предсмертный хрип.

– Боже мой, как это прекрасно! Впрочем, будет ещё время пообщаться. Мы забираем вас с собой. Не хотелось – я пока не решил, что с вами делать, но придётся. Минутное замешательство...

Он кивает головой, и две его копии поднимают меня под руки.

– А чтобы вы, дорогой друг, не пытались сбежать или, не дай бог, не начали малевать на ходу, пожалуй, сделаю что-то не очень приятное с вашими талантливыми пальчиками, – говорит Лис и начинает танец карандашом в блокноте. – Великодушно извините, но выбора у меня нет.

– Вы совершаете ошибку...

Пересохшим горлом пытаюсь выдавить из себя нечто вроде протеста. Протестовать у меня никогда не получалось.

– Поздно, – отрезает триумфатор.

В тот момент, когда я чувствую нарастающее жжение в руках, через изменённую реальность прорывается крик. Окружающий мир, застывший в статике, рушится, падая на землю осколками. Лис удивлённо приоткрывает рот, впервые с нашего знакомства демонстрируя, что не вполне управляет ситуацией, а его копии растворяются, как будто их и не было. Я повторно больно падаю на мокрый асфальт, шум улицы возвращается лавиной, а ливень продолжает неистово осыпать ударами двор, словно съехавший с катушек боксёр.

С трудом оглядываюсь по сторонам. В подворотне стоит тяжело дышащая муза. Она встречается взглядом с Лисом, который явно выбит из колеи, но не побеждён, и разглядывает девушку, как экзотическую зверушку, вынырнувшую посреди скучного мегаполиса.

– С вами всё в порядке? – раздаётся голос из-за спины.

Рядом стоит мужчина в мокрой военной форме: кожаный портфель в одной руке, бесполезный зонт – в другой.

– Да, спасибо! Просто поскользнулся, – машинально вру я и смотрю на недавнего противника.

Коренастый майор, не решающий поинтересоваться, как так можно от души поскользнуться раз десять-пятнадцать, помогает мне встать, кивает и проходит к своему подъезду.

Лис на несколько секунд замирает на месте, но, видимо, не решается продолжать пикировку. Под струями дождя он медленно и степенно удаляется через другой выход из колодца.

Я устало поднимаюсь и ковыляю до музыки. Она не горит желанием выходить из своего укрытия и опасливо щурится, не зная, как на меня реагировать. Обнять? Но мы не настолько близки. Проигнорировать? Этого ей явно не хочется. Но всегда есть универсальное решение – не делать ничего.

Не дождавшись хотя бы искорки эмпатии, я сажусь на камень и устало прислоняюсь к стене.

– Кто это был? Что случилось?

Она внимательно осматривает меня, словно мать, встре-

чающая чумазого сына со двора. Сквозь туман в голове пробивается «Опять двойка» Решетникова. Улыбаться в такой момент не с руки, но кто меня спрашивал.

– Полагаю, один из источников наших бед. Отделал меня как следует, хватку я точно потерял... Уже забыл, каково это... Но ладно, вопрос в другом: как ты здесь оказалась?

– Всегда пожалуйста! – закатывает глаза она.

Я пропускаю ремарку мимо ушей – для спасибо ещё найдётся время. Никогда не поздно забыть о благодарности.

– Ты удивишься, я шла за тобой. Как оказалось, не зря. Да-да, вот так вот, в крысу. Поспешных выводов не делай – я тебе доверяю. Вроде бы...

Вроде бы? Это как в смысле доверия?

– Но у меня было какое-то чувство, трудно объяснить... будто нечто должно произойти... Вы стояли там и не отрываясь, не моргая смотрели друг на друга, прямо посреди двора, будто две восковые фигуры в музее. Только глаза бегали как у сумасшедших. Мимо вас проходили люди, странно косились. Не удивительно: подозрительные типы в ливень зависли, не вызвать ли полицию. И тогда я поняла, что вы оба не здесь. Как это работает?

Я пытаюсь развести руками, будто это ночные мосты, но они отвечают болью и не разводятся.

– Чуть позже объясню, дай отдышаться. Звучит как бред, но это художественная реальность – слепок нашего мира, куда я могу попасть на время. И сегодня я встретил человека,

который способен в свою реальность затянуть других... О таком я даже не слышал. Это как удар в поддых...

– Идём? – перебивает она, предлагая свою руку. – К твоему приятелю, там и поговорим.

Я киваю, но затем останавливаю её жестом.

– Через дорогу есть кофейня... Мне нужно десять минут. Не хочу завалиться к Репину в таком состоянии.

Она кивает в ответ, открывает зонт, который роскошным принтом знакомит прохожих с редкой живописной классикой – «Под дождём» Франца Марка, и крепко берёт меня под руку, не боясь испачкаться. Наверное, так мы и выглядим сейчас, как Марк задумал: экспрессивно, иносказательно, нарисованные энергичными мазками, растворившиеся в первозданной стихии.

Мы шлёпаем по лужам через дорогу в сторону кофейных запахов и манящих огней, прочь от проигранной дуэли, которую теперь будет сложно забыть и стыдно вспомнить. Такого шрама у меня ещё не было.

1

Я умею рисовать... Заявление, достойное второклассника, скажете вы. Может быть, но второклассники малоют что-то своё и совершенно не задумываются над тем, что ненароком могут изменить мир. Они по наитию тянутся к неизвестным им Гогенам и Моне, слабыми ручонками выхватывают

из окружающего пространства цвета и оттенки, коверкают их на бумаге на радость родителям, а те с упоением хвалят каракули и колористику, даже не поднимая головы.

Но разве может быть так, чтобы нарисованный на обрывке тетрадного листа цветок в горшке вдруг возник на самом деле? В этой реальности. И его можно было полить, переставить, уронить на пол, собрав затем осколки. Вопрос нашего восприятия. Философия и демагогия? Вам виднее. Но второклассники так не могут. И вы не можете, а я могу. В этом, пожалуй, вся разница.

Нас немного. Я знаю полтора десятка. Некоторых – лишь шапочно, по куцым профилям в соцсетях, где из правды почти ничего. Разумеется, тех, кто однажды обнаружил в себе нечто ирреальное, больше. Но либо они не поверили «своему счастью» и предпочли о нём забыть, либо не встретили никого, кто мог бы серьёзно посмотреть им в глаза, а не рассмеяться. Нельзя быть особенным в одиночку.

Я сижу на крыше несуразной, облупленной многоэтажки, свесив ноги с парапета. Внизу спит город: тихо посапывают мостовые, шуршат кронами в дреме скверы и парки, собака провожает безразличным лаем прохожего, который сложным узором обходит площадь.

В этом бесхитростном созерцании до меня никому нет дела: ни шкодливому летнему ветру, ни холодным звёздам, ни пушистым облакам, ни даже запахам жареной рыбы, млечным путём летящих в никуда из соседних окон. Как же надо

ненавидеть рыбу, чтобы провоцировать на такие ароматы? Лучше сразу похоронить.

На балконе подо мной помятый мужичонка в майке-алкоголичке, с сигаретой в зубах и стаканом в дрожащих руках неуверенно стряхивает пепел в консервную банку и регулярно кричит в открытую дверь, грозясь, что «мы им покажем». Ни один студент художественного вуза по своей воле не согласится обессмертить жизнь безликой брежневки в рядовом спальном районе, но я уже не студент – и я здесь. Возможно, карикатурный сюжет подошёл бы для галереи знаменитых «Митьков»: лубочно, без аллегорий и назидательности, трогательно и в приглушённых тонах. В общем – жизненно.

Отточенными движениями по памяти срисовываю с советского антиалкогольного плаката 70-х, который висит у друзей в уборной как напоминание, ядовито-зелёную бутылку водки с издевательской надписью «Сок» на этикетке. Правда, на глаз, не учитывая пропорции – тара и вправду выходит великовата.

Пузатый обитатель «панельки» не верит своим глазам, вертит головой в недоумении, обходит балкон, делает ещё несколько усилий и вдруг сладко улыбается куда-то ввысь. В благодарность? Есть за что сказать спасибо – какой-никакой фитнес. Не думаю, что в его жизни много разминок, планок и подтягиваний.

Хлопает балконная дверь. Пойдёт проспится, не иначе, а завтра проверит, не померещилось ли.

На тротуаре проспекта, который стрелой летит в мою сторону, материализуется одинокий велосипедист. Он неумолимо приближается к скверу, где коммунальщики аккуратно вырыли днём яму, но огородить забыли. Кусты и летние сумерки прекрасно маскируют эту идеальную ловушку. Видео фатальных падений веселят только в соцсетях, поэтому я беру блокнот, закрашиваю провал, откладываю в сторону бумагу и с удовольствием наблюдаю за результатом.

Яма моментально затягивается, словно рана в фантастических фильмах, а ничего так и не приметивший двухколёсный полуночник на радость себе отправляется домой, а не в больницу. Может быть, и не стоит подыгрывать случаю, решать за него, но большие дела начинаются с малого – не стоит забывать об этом.

Внезапно всем своим весом наваливается усталость. Силы потрачены на нелепую игру в божественную сущность, но и этого хватает для того, чтобы наконец побороть бессонницу. Я отхожу к стене, медленно сползаю вниз по бетонной коробке, измазанной кривыми граффити, и делаю глубокий вдох.

Когда взгляд окончательно туманится, из последних сил замечаю фигуру в дальней части пространства. Чёрт возьми, и как это происходит?! Из всех крыш неприметного района на севере этот лунатик выбрал мою и как-то просочился сюда сквозь дверь, закрытую на стереотипный ржавый амбарный замок. Сам уйдёт или помочь? Тот, словно отвечая на

мой мысленный запрос, мотает головой, отказываясь менять направление: не слишком уверенно, но так неумолимо идёт к краю.

Напрягаю зрение и вижу, что это девушка. В полумраке сложно разобрать, на вид может быть сколько угодно – от пятнадцати до сорока. Стройная, в узких джинсах и толстовке, кажется, с каким-то шаблонным агрессивным принтом, который то и дело выскальзывает из тени. Она становится на парапет, а внизу, между прочим, девять этажей и пару рядов автомобилей.

Ещё несколько секунд колеблюсь... Повернёт обратно? Ну мало ли, зачем она здесь... Но, кажется, для неё как раз много.

Я хватаюсь за блокнот и делаю несколько резких движений карандашом, словно рисую поле для крестиков-ноликов. Под мой судорожный набросок фигура птицей исчезает в провале. Ни сомнений, ни терзаний на краю. Будто крыша тут бесконечная.

Не спеша подхожу к обрыву и заглядываю вниз. На зелёной сетке, обычно укрывающей осыпающиеся балконы исторического центра, болтается ошарашенная девушка. Покачивается на волнах, как парус одинокий. Не вправе её винить – сам был бы в шоке.

Секунду назад я зачем-то фантазировал, что симпатичная. Теперь остаётся лишь себя похвалить: художник замечает всё – неважно, сколько у него времени.

– Забирайся сюда!

Я покорно поднимаю руки, а затем протягиваю ей одну из них.

Она фокусирует взгляд, пристально смотрит на меня и бо-язливо, как паук, пятится назад. Реакция предсказуемая – коктейль из страха и удивления. Её стильная короткая причёска коронуется всю гамму чувств. Точёный профиль, холодные черты лица – собирается послать к чёрту.

Что ж, ничего нового. Если считать всех, кто отправлял меня по этому же адресу, можно заселить новый жилой комплекс в пригороде. Да и пикап никогда не был моей сильной стороной. В противном случае я бы сейчас не торчал в одиночестве на крыше, а намазанный кремом и сдобренный вином возлежал где-то на фоне ковра и телевизора.

– Хватит дурить! – настаиваю я. – Не время и не место. Как тебя зовут?

Ночная тишина разбавляется лишь далёкой сиреной да шумом двигателей редких проезжающих машин. Кажется, я слышу прерывистое дыхание, словно девушка очнулась от кошмара и балансирует на грани реальности и сна.

– Маша! – внезапно тихо выдыхает она, наконец сделав выбор.

– Что ж, Маша, пока ты паришь на уровне девятого этажа, к нам могут возникнуть вопросыки... Не хватало тут ещё историй про ведьм с айфонами.

Она по-кошачьи подползает ко мне и берёт за руку. Я вы-

тягиваю её на твёрдую поверхность и делаю пару шагов назад. В воздухе знакомиться мне ещё не приходилось.

– Странное время выбрала, чтобы полетать.

К идиотам в жизни, как правило, больше доверия.

– Что тут произошло? Кто ты такой? Откуда...

Она осекается и снова заглядывает за край, пытаюсь удостовериться, что там только воздух.

– Давай спустимся вниз хотя бы.

Как умею, то есть практически никак, тяну время. Но интрига не может жить вечно. Её распирает, как доширак, забытый в кастрюле.

– Никуда я с тобой не пойду!

Реакция безапелляционная и хлёсткая, словно взрыв петарды под окнами вчера вечером.

– Понимаю. Тогда будет иначе, – достаю из кармана «сяо-ми». – Звоню в полицию. Чтобы твой нырок с крыши не был на моей совести. Пусть камеры посмотрят...

– Стой!

По её лицу скользят сомнения, но быстро обращаются в безразличие, напускное или нет.

– Окей, я спущусь.

2

Прохладный воздух летней ночи изгоняет сон. Я стою у обшарпанного подъезда и уже почти что не верю в историю

с «дамой в беде», пойманной в сеть. В ней есть что-то настойчиво кинематографичное, словно это завязка для подросткового ромкома о встрече, которая обязательно станет судьбоносной. Но скрип за спиной воскрешает исчезающую иллюзию.

Она выходит под жалостливый писк домофона. На этот раз через дверь – без глупостей. Неловко, будто заполняя паузу, поправляет худи, делает несколько шагов вперёд и садится на асфальт. Не знаю, что нужно сделать или сказать в такой ситуации, поэтому просто следую её примеру.

Маша молчит – долго, упорно, навязчиво, многозначительно. В этом молчании больше смысла, чем в сотне диалогов, которые могли бы разбить тишину.

– Это бордюр или поребрик? – внезапно вырывается у меня.

Непреднамеренная и необоснованная игра в слова – мой конёк.

Она резко поворачивается и пристально смотрит в глаза:

– Ты дурак?

Как будто ей действительно интересно, а у меня есть однозначный ответ. Существуют аргументы как за, так и против. Следуя заветам бизнес-тренеров, их можно отразить в разных графах таблицы и потом вычеркнуть лишнее.

– Всё возможно. Нормальные люди не спят на крыше в полночь. Но вот что интересно: столько лет тут живу, ни разу не приходилось в речи жонглировать бордюром с поребри-

ком. Мы всегда говорили просто: тротуар. Хотя бок тротуара тоже звучит странно, будто его можно почесать. В общем, дилемма из серии «надеть-одеть».

Она пропускает мою идиотскую ремарку мимо ушей. Или делает вид, что пропускает, продолжая смотреть вдаль.

Через дорогу в парке ветер играет в прятки в кронах деревьев, зелёный человечек на свёрнутом вбок экране светофора комично стремится вниз – к поребрику или бордюру, а два хрестоматийных забулдыги выпивают из горла на скамейке, весело оглашая окрестности беззаботным матом.

Тощий человек в клетчатом пиджаке, максимально несуразный в моменте, проходит мимо нас с ироничной улыбкой и внезапно желает хорошего вечера. Такого здесь ещё не бывало, надо запомнить.

– Есть закурить? – резко выходит из забвения моя новая знакомая.

– Я где-то слышал, что это вредно...

– Ты мне не мама, умник!

– И это хорошо. Маме бы не понравилось.

Я слегка поворачиваю голову, будто подсматривая правильные ответы на школьный тест у соседа по парте. Маша зависла вне реальности, потерялась, зацепилась за край матрицы, застряла в полигонах.

– Вообще я не курю... – вдруг говорит она.

– Тогда зачем?

– Мне показалось, что так будет лучше... Соответствует

моменту. Больше ничего не пришло в голову.

Убеждаюсь в правильности первого впечатления: чёткий профиль, почти белые крашенные волосы, резкие, слегка заострённые, благородные черты лица. Что-то очень притягательное, но в то же время ледяное, как случайное утреннее закаливание из-за плохого напора воды в ванной.

– Кто ты такой?

Она снова фокусирует взгляд на мне и повторяет вопрос, который уже звучал на крыше многоэтажки с голубями. И опять – в пустоту.

– Художник.

– У художника есть имя?

– Савва.

Её брови выстраиваются в странную дугу. Серьёзно?

– Могу паспорт показать. Хорошо, конечно, что не Агафон или Фома – были варианты похуже. По крайней мере, в художке, когда раздавали прозвища, и думать не пришлось. Саврасов и Саврасов...

– Это, у которого в учебнике «Грачи прилетели»? – перебивает она.

– Да... Пейзажи по молодости рисовал, баловался красками природы. Неплохо выходило... Банальщина, разумеется, но не всем дано шедевры создавать. Кто-то должен заполнять пустоту обыденности.

Она молчит. Кажется, не дышит и создаёт пустоту, которую придётся заполнить другим.

– Знаешь, у Саврасова тоже были свои «Бурлаки», – устанавливаю контакт.

Данные грузятся, ждите.

– И раньше Репина, но таковы уж законы шоу-бизнеса. С XIX века мало что изменилось. А тренд на увековечивание этих работяг вообще запустил Верещагин. Его бурлаки схематичные, не такие детализированные, но «запостил» он их заметно раньше других. Представь себе, если бы в те времена были соцсети. Илья Ефимович бы написал: «Друзья! Моя новая картина уже на канале. Поставьте лайк, чтобы помочь в продвижении». Саврасов отвечает в комментариях: «Что за дела, сюжеты воруешь?! Совесть есть?». А ниже Верещагин присоединяется: «Чья бы корова мычала. Я своих в 1866 году закончил, когда ещё не было модно»... И тут в дело вступают боты, которые всех рассудят и всем напишут адекватной оценки...

Это пока самое значительное и абсурдное многословие за сегодняшнюю ночь, но неожиданно она слегка улыбается – одними уголками губ. Или мне просто чудится. Если так можно пробить броню, то я готов наговорить про живопись ещё на целый подкаст.

Она встаёт, отряхивает джинсы, направляет взгляд на крышу, потом вниз, будто прочерчивая воображаемую траекторию. Под нами лишь потрескавшийся паутинкой асфальт, ничего интересного. Делает пару шагов вперёд, но внезапно оборачивается, отвечая на повисшую недосказан-

ность. А её здесь предельная концентрация, хоть топор вешай.

– Ждёшь благодарности?

– За что? – машинально отвечаю я. – Нет, даже не думал, если честно... Хотя вроде бы звучит неплохо... Может, телефонами обменяемся? Ситуация нетривиальная. И она не завершена...

– Это ты меня на свиданку зовёшь? Думаешь, я просто мечтаю выгуляться с парнем?

– Не думаю, но начало странное.

– Считаешь, будет продолжение?

Звучит логично. Вряд ли у неё были планы на завтрашнее утро. Но вот так отпустить, пусть и случайную жизнь, я не могу. Уж слишком она реальная в сравнении с моей.

Маша опускается на корточки рядом с детским рисунком на асфальте, который вопреки всему улыбается забавной мультяшной мордой, поднимает огрызок мелка и выводит номер.

Пока я забиваю комбинацию цифр в смартфон, пространство пустеет. Вижу только удаляющийся силуэт.

– Стой! Слушай, на сегодня хватит странных поступков... Пожалуйста!

Она замедляет шаг, но ещё раз обернуться не решается. Мгновение – и её нет. Была ли она вообще? Или показалось? И появится ли случай снова её увидеть?

«Маша» в телефонной книге у меня уже есть. Поэтому

просто пишу: «Она». У каждого художника должна быть муза. Возможно, я только что нашёл свою.

3

На потолке меня встречает нелепая, шаблонная люстра из интерьера строительного магазина. За окном светло, шесть утра, лето. Счастье? Солнце прицельно бьёт мне в глаза, появляясь в просвете между корпусами нелепого «человеиника» буквально на несколько десятков минут, и дальше следует в соседний двор на пробежку по небосклону. Даже у солнца есть дела, а у меня нет.

Для тех, кому сложно радоваться простым вещам, ранний подъём – мучительное ощущение. Для меня – отнюдь. Через двадцать секунд я готов почти ко всему, хочу любить мир и рисовать его во всех красках. И к завтраку, заметьте, это не проходит.

Двор гремит «басами» мусоровоза, угощает сполна высокими нотами баков от работы уборщиков, «оркестровым» многоголосьем отъезжающих автомобилей, словно кто-то сыгрывается перед партитурой. Кажется, сейчас на сцену выйдет старушка, ставшая частью интерьера филармонии, и манерно произнесёт: «Уважаемые зрители этого утра, убедительная просьба выключить свои мобильные телефоны и наслаждаться реальной жизнью». Эти звуки ни с чем не спутать и ни на что не променять. В просыпающемся летнем го-

роде лучшая звуковая гармония помимо взятой в заложники тишины.

Светлые стены однушки завешаны искусством разных форматов и всех мастей. По старой привычке я тащу безделушки и любительские полотна с блошиных рынков и городских променадов, словно вспоминаю своё полуголодное студенческое прошлое. Эти работы, как фото в соцсетях, отмеряют прошлое и заставляют в него поверить: где был и что видел.

Сменяют друг друга в круговерти артефактов деревянная театральная маска, купленная на сеульском базаре, жгуче-оранжевое солнце, опускающееся в море на фоне настоящих ракушек из хорватского Пореча, пляшущие инструменты в ландшафтах Стамбула, нелогично подрезанные в центральном парке Мадрида у местного умельца, самаркандская площадь Регистан, выполненная кофейными красками, португальский акварельный город из лавки старьевщика в Лиссабоне... Компанию им составляют два свитка: китайский, насильно врученный в Пекине надоедливými студентами художки за несколько юаней, и японский – с клёнами, тонко нарисованными поверх пластика. Вот такое экологическое искусство.

Как вишенка на торте, прямо напротив в рамке висит туманный Петербург в чёрных красках холста, позаимствованный, словно из безымянного нуара. Много лет назад потратил полторы тысячи на базаре у Гостиного двора. Архаич-

ный трамвай, пунктирные рельсы, женщина в красном платье под зонтом, удаляющаяся в темноту и контрастирующая с мрачной тональностью композиции. В нижнем углу зависли инициалы – М.Л. Теперь уже и не узнаешь, кто это был.

Смартфон лежит на полке рядом, будто собачонка, привязанная поводком к хозяину. Чёртова привычка цифрового века! Оповещений не густо... Всего одно сообщение в мессенджере за ночь: «Это мой город». Без восклицательных знаков, смайликов и объяснений. Внезапно от неё!

Вчера по пути домой я отправил новой знакомой смайлик палитры с красками и написал: «Не делай глупостей...». Чтобы муза не расслаблялась. Даже нимфу в наши времена надо держать в тонусе.

«И что это значит?» – коротко отвечаю, не особо ожидая реакции.

Начинаю откладывать трубку, но она «булькает» в тот же миг, словно кто-то ждал этого шестичасового утреннего касания.

«Это мой город. Его у меня не отнять».

Буквы агрессивно появляются на экране, чтобы всё окончательно запутать.

«Тогда зачем?»

«Не хочу, чтобы кто-то решал за меня. Ты рисуешь город, а я в нём живу».

Откуда она знает, что я рисую? Тем более город?

«Кто-то – это кто-то конкретный?»

«Долгая история. И явно не для переписки с едва знакомым человеком».

Принцессы вообще редко благодарны тем, кто их спас. Но сейчас не дело закусывать губу.

«Я готов послушать. Время у меня в избытке. Хотя и просрочил былинку на семь лет...»

«В смысле?»

«Илья Муромец тридцать три года провёл на удалёнке. Плюс три месяца. Получается, я уже немного опоздал».

Чат неоднозначно замолкает. Три точки обещают новое сообщение, но его нет. Написала, а затем стёрла?

Я наливаю кофе, выхожу на балкон и с двадцатого этажа оглядываю владения. В распоряжении весь горизонт, никаких высоких зданий на десятки километров, граница города, а дальше – только леса и небо. Настолько синее и бездонное, что кажется, будто некоторые элементы попросту не прогрузились. Жду завершения скачивания. 98, 99, 100?

С верхнего этажа по привычке идёт снег. Беспокойный сосед монотонно сыпет сигаретным пеплом и кашляет, словно у него чахотка. Того, что он производит за неделю, хватило бы на целый сугроб. Весь этот снегопад настолько надоел, что я ставлю чашку на столик и забираю из комнаты блокнот. Тратить силы на столь нелепый трюк – нарушение всех неписаных правил, но без небольшого хулиганства жизнь – скука смертная. Пока ты не угрожаешь миру, ничего не кажется лишним.

Рисую струю воды, убираю карандаш и слышу многоэтажный мат сверху – небоскрёб в мире ругани. Осторожно выглядываю: помятый мужик в недоумении бродит взглядом по сторонам, выискивая источник расстройства на безоблачном небе. Не рассчитал: водопад получился знатный, помыл несколько этажей, заодно и голову. С граммовками у меня проблемы, хотя я тщательно пытаюсь соблюдать заветы рецептов с «Ютуба».

– Слышь, козлина, я тебя найду! – обещает сосед кому-то несуществующему.

Или нужно принять на свой счёт?

Глухо хлопает балконное окно, дальше – тишина.

Допиваю кофе, снова беру телефон. Одно новое сообщение на экране:

«Что произошло той ночью на крыше?».

Ненавижу навязчивые вопросы, но тут я сам вляпался – винить некого. Мы, артельщики, стараемся не вмешиваться в дела зрителей. Если и вмешиваемся, то делаем это незаметно. Как авторы пьес, наблюдающие за реакцией публики на премьере, спрятавшись за пыльной портьерой. Но мог ли я поступить иначе? Просто отойти и позволить случиться тому, что должно было случиться. В жизни есть развилки, где сначала делаешь выбор, а лишь потом понимаешь его суть.

Впрочем, в пазле тех летних сумерек не хватает массы деталей. Так с крыши прыгают в супергеройском кино, которое я терпеть не могу. Разочарованные и уставшие долго колеб-

лются на парাপете.

«В двух словах не объяснишь!» – пересылаю её сообщение в тот же чат.

Этакая закольцованная метаирония. Она, как змей Уроборос, кусает собственный хвост.

«Слушай, Муромец, знаешь, кто такая Савишна?»

Неожиданно да. В художке я рисовал батальную сцену из славянской мифологии.

«Жена его? То есть моя, если я Муромец...»

«Поляница, воительница» – пишет муза.

Это из тех, что дрон на лету остановит и горящую путёвку найдёт?

«Победить её можно только в честном поединке. А ты играешь нечестно».

«Может быть, потому, что я не играю?»

«Значит, всё это было по-настоящему? Не приснилось?»

«Ну я себя только что ущипнул, вроде больно».

Экран зависает в ожидании, многозначительно отсвечивая на солнце. Я вглядываюсь в своё небритое отражение и не нахожу ничего нового.

«Эта встреча не может быть случайной».

По крайней мере не похоже, что она планирует завершить задуманное.

«Да, судьба свела нас вместе... Готовься к разбросанным носкам поутру и семейной ипотеке».

«Я многое обдумала... Ты прав, ситуация не завершена».

Как будто это и впрямь нечто механическое.

«И что делать?»

«Сегодня в 12. В центральном парке. Там есть пирс».

В моей юности так во дворе забивали стрелки, пародируя бандитов из телесериалов.

«Буду непременно».

4

До встречи ещё масса времени. Стараюсь о ней не думать и не задавать себе лишних вопросов, но лишние всё равно прорываются в мой мир: бессознательно и легко, словно сквозь газетную бумагу. Что это за игра такая? Образная она или реальная? И при чём тут поляница? Муромец пришёлся к слову, хохма, не более того... Как ситуация вышла из-под контроля?!

И уж она-то, крашенная блондинка с эффектным андерка-том, одетая в модные джинсы и явно недешёвое худи, кажется последним человеком в мире, который на досуге «пощипывает» в библиотеке сборники былин, перечитывает сказания и запивает блины сбитнем, поправляя лапти.

Из десятка полезных дел, которыми можно заняться в ближайшее время, я, конечно же, выбираю единственное пустое – решаю окунуться в семейную жизнь Ильи Муромца и продуктивно начать день. Возможно, будет козырь в рукаве перед встречей. Кто погуглил, тот вооружён.

Неожиданно жену богатыря звали Марьей, какое совпадение. Савишна – отчество. Одного Саввы в этой истории, видимо, недостаточно. Но здесь параллели вроде бы заканчиваются. Пара фраз и несколько смайликов в чате ещё не делают тебя знатоком человеческой психологии.

Что дальше? Познакомились они через поединок. Дважды богатырь уклонялся от сражения, но на третий не сумел. Побеждённая, она сняла шлем, после чего оба отправились в загс. А однажды, пока Илья был в отпуске, даже спасла Киев от Тугарина Змея, натянув мужнин бронежилет. Неужели, у них был один и тот же размер?

Похоже, Муромец мне здесь ничем не поможет, но по крайней мере я с удовольствием убил десять минут. Из этих отрезков моей не слишком насыщенной жизни можно сформировать грандиозное кладбище.

От необходимости дальше читать про наше былинное прошлое избавляет телефонный звонок. На другой стороне: Полено. Сокращённое от Поленова в нашей художественной тусовке. На втором курсе он безответно сох по исторической живописи, а однажды подарил куратору потока Репину, в очередной раз страдавшему от похмелья, репродукцию поленовского же «Воскрешения дочери Иаира» своей кисти. Вместо девушки нарисовал Репина, а Христом изобразил себя. Слишком самоуверенно, но Бог простит – так мы, по крайней мере, тогда решили. Внезапно обрётённую после нехитрого арт-перформанса кличку он регулярно под-

тверждал своей неуклюжестью. Ничего в жизни не бывает просто так.

– Здорово, Савва! Женщину ещё не завёл? – выпаливает Полено, видимо, первое, что приходит в голову.

– Ты ради этого мне позвонил в семь утра? Женщина – не хомяк, но вообще-то завёл. Только что. Точнее, музу...

– Вижу, не отпустил тебя коньячок.

– Отпустит, я к тебе приду.

– Ладно, короче, тут такое дело. Разговор есть, не телефонный. Помнишь те странные артефакты на картинах, про которые я тебе говорил?

Полено работает в Российском музее. Чем-то там заведует, но у них такие регалии, что без пол-литра акварели не разберёшься. Тем более есть всплывающие подсказки – бейджики. Да и потом посреди хаоса повседневности я стараюсь не создавать запасов ненужной информации.

– Помню. Природа у Шишкина настолько очистилась, что медведи сбежали с картины.

– Смешно. Вот только мне уже не очень. Куся вчера орала как резаная. Чуть фрукты с натюрмортов не попадали.

Куся – Марина Ильинична Кустинская. Или Мария Ильинична. Или не Ильинична вовсе – не суть. Большой босс подземелья, для разговора с которым недостаточно просто прокачать уровни и налутать шмот. За полтинник, с целым иконостасом наград, которые в становой тяге не вытянул бы даже уважаемый Леонид Ильич Брежнев. Рубит с плеча напра-

во и налево, разбрызгивая вокруг себя флюиды пафоса, высокой культуры и дорогуших духов стоимостью во всю квартальную премию. Но один в один кустодиевская «Купчиха за чаем». Чёрный байховый хлещет вёдрами, и офисный кот есть – такой же холёный. Плюс очень ностальгирует по дореволюционным порядкам, носит архаичные головные уборы, когда в городе с крыш не капает. Почти всё сходится.

– Чего хотела?

– Большой и чистой любви, блин. Но я столько не вынесу, спина больная, силы уже не те. Приезжай, введу в курс дела.

– Эй, ковбой, полегче! Я-то тут при чём?! В музее не работаю. Не надо с больной головы на здоровую...

– А другу помочь «Да Винчи» отвалится? Врубель плакался в жилетку, очень просил тебя заманить на кофий по старой дружбе.

Врубель – ещё один босс подземелья, только масштабом поменьше «купчихи». Возраста неопределённого, с козлиной бородкой, вечно в засаленном пиджаке, нагловатый и страшный скупердяй. Однажды пожалел рубль на молодёжные активности, за что эта самая молодёжь отомстила ему единственным доступным способом: стала оставлять на его столе по рублю каждый день. Чья была идея, история не сохранила, но Рубль сначала стоически терпел, а потом неожиданно превратил это в фишку: во время занятий стал артистично крутить рубль между пальцами – и кличка прижилась.

– Только не это! Ты же знаешь, как я хочу видеть Врубеля! Сплю не могу! Хватило мне практики университетской. Стоял слюнями плевался. «Девятый вал»!

– Да брось! Ну, он же по-отечески. Видел в тебе большой потенциал. Так расстроился, когда ты ушёл. Считай, плевался в счёт будущих заслуг...

– Наши будущие заслуги остались в прошлом. Короче, ладно! Подскочу на полчаса. Только избавь меня от его предисловий и убедись, что «купчихи» нет рядом. А то опять будет: как ты вырос, возмужал, дурака валяешь, а мог бы пылью с портьеры покрыться в музее...

– Легко тебя ввести в ступор.

– Ну да, витязь на распутье перед МФЦ, не то окошечко.

– Муромец из тебя так себе...

– Опять Муромец?!

– А что, был уже сегодня?

– Ну да, посчастливилось... К десяти подгребу. Идёт? Потом ангажирован.

– Музой?

– Ей. Пока!

5

Невский бурлит, словно это воскресный день. Лето отражается от пыльных тротуаров и рябых столетних фасадов, играет в прятки в прохладных дворах-колодцах и подконди-

ционерных «морозилках» офисов, вибрирует гудом машин и тысячей голосов. Ему, лету, хорошо – оно здесь редкий гость. И даже загазованный воздух не сможет разлучить нас.

Я укрываюсь от жары в подземном переходе между лавками с неказистыми сувенирами по сказочным ценам и парочкой уличных музыкантов, играющих невпопад – не то и не так. Убегаю от хаотической битвы диссонирующих нот, чтобы вынырнуть с другой стороны, и на выходе буквально влетаю в трёх странных типов в лохмотьях, подозрительно похожих на репинских «бурлаков». Бородатые, патлатые, загорелые и едко пахнущие на жаре, они тащат на лямках холщовые сумки и улыбаются ртами с прорехами, напоминающими пианино. Смотрят не просто куда-то в пустоту, а, кажется, аккуратно мне в душу.

Впрочем, вокруг, в толще людского планктона, надвигающегося на меня стеной, тишина: по ощущениям, шокируют эти нелепые разносчики расстегаев и бацилл исключительно меня.

Спустя десять шагов оборачиваюсь проверить, не показалось ли. Мужики настойчиво провожают взглядами: ехидными, словно знают меня лично. Такими буравит консержка, которая в предыдущий твой визит в офис по камерам увидела лишнего, а ты судорожно пытаешься понять, что именно, где прокололся. В носу ковырялся или почёсывал филей? Достая телефон и делаю пару кадров на память, чтобы утром картина не показалась бредом.

Ретируюсь от них на боковую улицу, в приятную тень гостиниц и бутиков. Голуби залихватски расписывают Пушкина на площади белыми разводами, будто что-то да понимают в современном искусстве.

На фоне пролетающих детей на электросамокатах из летнего городского марева выплывает Полено. Закинув ногу на ногу, в брюках и рубашке, при эспаньолке и со смартфоном в руке, он расслабленно восседает на скамейке. Женщина в жёлтой шляпке и пшеничном платье рисует этюд метрах в десяти от него. Проходя мимо, замечаю на картине Полено, хоть и не главным героем. Но и второстепенный персонаж в наше время – уже немало.

– Витя, ты в кадр попал! – киваю на женщину с кистью. – Может быть, через пару десятков лет будешь висеть в своём музее на видном месте. А туристы начнут дежурно тыкать в тебя пальцем и говорить, мол, какой отвратительный субъект.

– Если Куся не получит, чего хотела, висеть буду раньше. А я не ты, не могу нарисовать пять тыщ так, чтобы от настоящей не отличить. Меня Катя из дома выгонит.

Катя – его жена. Искусствовед и блогерша, которая пытается монетизировать любовь к современной мазне, но пока что тщетно. Хотя потенциал сесть на шею галеристкам с мужьями-кошельками есть, и он не даёт спокойно спать. Потенциал – то, что объединяет всех неудачников.

– Я тебе нарисую парочку на юбилей... Ладно, давай к

делу. Муза ждёт. Может, больше не посетит.

– Она у тебя что, по расписанию?

Полено достаёт вейп, затягивается каким-то хитрым фруктовым парфе и выпускает облачко в сторону женщины за мольбертом.

– Короче, помнишь Веню?

А я помню. Дочь нашего декана. Гоняла на «пятёрке» BMW с первого курса, ходила в брендовой одежде, когда остальные в складчину наскребали на пару бутылок пива, но в целом была мила и, пробегая между нашими этюдами, пускала своё фирменное: «Гумно!». Репа тогда и придумал ей простое погонялово по одноимённой картине Венецианова. Через какое-то время весь курс сменил Вику на Веню, но мажорка удивила всех адекватной самооценкой и совсем не обиделась. Даже наоборот.

– Так вот, пару месяцев назад она случайно заметила артефакты на картине Коровина. Помнишь его натюрморт «На берегу моря»? Я вообще без понятия, как именно, потому что кроме клякс и разводов ничего там не вижу. У меня стены в подобной стилистике в ванной выравнивали... Стол, цветы, берег моря, Крым наш. Всё по форме! Но из тарелки на столе исчезли фрукты. Вначале все ржали, что из-за санкций, но потом Врубель прогулялся до места, а он – спец по импрессионизму, московской школе, ну ты знаешь... и всем стало не до смеха. Скрипел-скрипел, чуть очки не треснули.

Пока Полено притормозил, пытаюсь осознать, что это зна-

чит. Выглядит, как сюжет из знакомой книжки в стиле городского фэнтези – только не помню, какой. Что-то вроде «Рисую город». В общем, бредово, сюжетец, конечно, так себе. Из каких-нибудь японских ранобэ в полиэтилене, которые макулатурой для подростков валяются в магазинах у дома посреди Токио рядом с наборами заводских роллов и пластиковыми баночками саке на один глоток.

– Дали команду безопасникам, провели экспертизу, – продолжает Полено. – Всё подлинно. Никто ничего не двигал, никаких подмен, подделок. В общем тот же Коровин, только без еды. Притушили ситуацию до выяснения. Но яснее не стало. Потом у Гзеля на интерьере с игрой в карты или как-то так, что в Летнем дворце висит, кто-то заметил отсутствие трубки и стаканов у мужиков. Тамошняя хранительница чуть с ума не сошла, поехала в санаторий нервы лечить. А парней снова на ржач прорвало: мол, это в рамках профилактики вредных привычек в партнёрстве с Минздравом. И ещё надпись на треть картины надо нанести с предупреждением о вреде...

– Дальше больше, полагаю?

– Правильно полагаешь, но никто не может оценить масштабов. Картин – десятки, а исчезают какие-то отдельные детали, да и то незаметно – мелочи. И главное, ощущение, что их там и не было. Никаких прорех, дорисовок – фон везде на месте, тени правильные, словом – оригинал. И пока все находились в прострации, случилось самое страшное: взяли

по-крупному.

Полено тянет театральную паузу, выпуская очередное облако. Оно пытается подражать старшим коллегам на небе, но быстро растворяется в воздухе.

– Бурлаков украли? – инстинктивно вырывается у меня.

Сосед по скамейке едва не роняет вейп. Актёр, у которого нет «Оскара».

– Откуда? Кто слил? Об этом, на самом деле, три с половиной землекопа знают... Врубель с Кусей мне пасть порвут.

– Да видел я их только что – бурлаков этих, на Невском. Троих, – говорю и понимаю, что это совсем зря.

Мысль догоняет, как ударная волна. Полено в ответ разряжает обойму расписного мата, пугая проходящую женщину с коляской. Если кратко, то просит обойтись без тупых шуточек и не к месту вспоминает мою маму. Я пытаюсь его успокоить, отмотать ситуацию назад, пока взгляды со всего сквера не слетелись к нам, как голуби на семечки.

Достаю «сяоми», показываю фотографию. Ведь одной ошибки недостаточно, лучше сразу заполировать серией. Витя снова меняется в лице и застывает в ужасе. Секунд через десять возвращается в реальность.

– Да. Именно эти трое и исчезли, – безразлично произносит он и, побледнев, хватается меня за грудки. – Но ведь так не бывает, правда? Мы же вроде трезвые? Не под веществами? Персонажи картин не могут разгуливать по городу, словно туристы, да? Они должны быть вот там!

Полено показывает на фасад музея за своей спиной.

– Витя, давай без соплей! Ты мне футболку порвёшь.

Он безвольно отпускает и мычит:

– Ну да!

– Извини, глупая шутка вышла... Ну видно же, что это актёры... Скоро арт-проект на Садовой будет, – не особо умело стараюсь заговорить ему зубы. – Я там консультантом подвизался, они уже репетируют. У всего в мире есть логическое объяснение, но ты прямо готов поверить и в лешего, и в Бабу-ягу.

А сам думаю: перед тобой сидит тот, у кого уж точно нет никакого логического объяснения: обоснования, причины, предпосылки. НЛО, йети, Бермудский треугольник и я. Иногда кажется, что это тело взято напрокат, арендовано в видеоигре. И вот-вот время кончится, я выйду на рабочий стол и буду дальше спокойно вести понятную конторскую жизнь по стандартным правилам, с перекурами, бизнес-ланчами и прокрастинацией. Безо всех этих расширенных возможностей.

Впрочем, ему это знать необязательно. Фото с Невского было явно лишним. Иногда так и хочется убить себя за глупость. Но убить себя – это так скучно и буднично. Лучше продолжать жить и раздражать других.

– Мне надо осмотреть место преступления. Когда у вас будет поменьше статистов на объекте, в музейный выходной. Позвони, если образуются тепличные условия.

Встаю и протягиваю руку. Полено по-девичьи жмёт, словно у него не пятерня, а мокрая тряпка. Отойдя на почтительное расстояние, открываю чат с Репиным и кидаю туда фотку бурлаков вместе с подписью:

«И как ты это объяснишь?»

Ответ не заставляет себя ждать.

«Кто ещё в курсе?»

Отправляю смайлик, пожимающий плечами.

«Не телефонный разговор. Заходи вечером, посидим в мансарде, обсудим за рюмкой чая», – присылает голосовое Репа.

Ставлю «ок» и убираю трубку в карман. Солнце, как ни в чём не бывало, нещадно палит этот мир, который стал ещё менее понятным. Если когда-то был таковым.

6

За десять минут под землёй я размениваю каменные джунгли минувших веков на буйную растительность какого-то другого города. Здесь подтянутые девушки в брендовых леггинсах стоимостью в мой месячный доход преодолевают пешеходные переходы, лавируя между «бэнтли» и «мерседесами», а «сосулька» небоскрёба подпирает небо и пускает гигантского зайчика в мою сторону. Щурюсь ему в ответ.

До встречи около получаса, и я наивно решаю прийти не с

пустыми руками. Для цветов в такой ситуации слишком рано, да и повод неподходящий, так что я беру прикормку в ресторанчике на колёсах. Татуированным хипстерам внутри стильного чёрного фургона не хватает только веника и банных шапочек, но они улыбаются и желают хорошего дня.

На причале, несмотря на середину недели, полно народу. Лишь одна скамейка свободна – почти. На ней, закинув ногу на ногу, сидит муза. Агрессивного принта как не бывало. Лёгкое яркое платье с цветочными узорами, поверх – тонкий пиджак. И выражение лица столь благодное, как будто это совершенно разные люди с разницей в несколько часов.

– Ты вовремя! – она окидывает меня взглядом.

– Вовремя для чего?

– Всегда задаёшь ненужные вопросы?

– А ты?

Она ненатянуто улыбается – искренне, по-летнему. Машинально протягиваю ей бургер и кофе. Выглядит слегка комично, как букет из ветчины, хлеба и помидоров. Лишь через секунду появляется мысль о том, что, возможно, фея, встреченная на крыше при загадочных обстоятельствах, питается солнечным светом, пылью и ломтиками авокадо, и не надо было дразнить её калорийной бомбой. Но Маша без вопросов берёт и разворачивает бумагу. Сошлись характерами.

Трёхэтажный бутерброд аппетитно «слезится» котлетой, отсвечивает соусом, показывает язык плавленого сыра из-

под румяного лука. Ни дать ни взять реклама фастфуда, и люди вокруг машинально оборачиваются на запах. Хочется их покормить с руки.

– То есть это реально свидание?

– У меня в кармане ещё орехи для белок. С ними я не встречаюсь.

– Шутка так себе, на грани, – говорит она и откусывает кусочек.

– Какая жизнь, такие и шутки.

Белки, с которыми я пока не встречаюсь, резво улепётывают от ребёнка и его трёхколёсного самоката на фоне зазывал, из последних сил уговаривающих прохожих дать слабинку и согласиться на водную прогулку. Мир вокруг живёт, дышит и вибрирует, колышется и шевелится всеми своими гранями. На минуту кажется, что планета пошла чуть быстрее, а ты просто сидишь на остановке, ждёшь автобуса.

– Ты ведь из артельщиков? – спрашивает она, забирая стаканчик капучино.

В голове взрыв домыслов: одна версия жестко бьёт другую, как в боях без правил.

– Это уже игра? Или пока просто пристрелка?

– Считай, да, – непонятно, на какой вопрос она в итоге отвечает. – Угадайка.

– Откуда ты знаешь про артельщиков?

– Не знаю. Просто слышала.

– Нельзя о них просто слышать... Это не новый вкус чип-

сов из магазина. О таких вещах не болтают мамочки на детских площадках.

– И что? – спрашивает она и продолжает есть. – Скажем так, в жизни разные вещи случались. Некоторые наполнены странностями.

У меня тоже. Иногда непонятно, чего больше: жизни или странностей.

– Они загнали тебя на крышу?

Вопрос повисает в воздухе. Муза не говорит ни да, ни нет, но тут, кажется, всё понятно без слов. По крайней мере, мне.

По реке проплывает стая на байдарках, за ними – сапсёрферы. Человек пятьдесят: цветастые, словно цыганский табор. Вёсла мерно работают, слышны разговоры и смех. Так выглядел советский парад физкультурников? Кадр меняется, рябь на воде утихает, а мысли снова со мной.

От артельщиков не бегают, не могу представить себе такую ситуацию. От старьёвщиков тоже. Получается, она встретила кого-то другого с аналогичными вводными. А это уже плохо. Очень плохо. Чужаков и неприкормленных тут давно не было. Казалось, что старый договор по-прежнему действует: мы не портим друг другу повседневность, а спокойно проживаем каждый свою – незаметно друг для друга. Что бы ни заставило незнакомцев сделать ход и выйти из тени, нам это вряд ли понравится.

– Кто они?

– Зачётный бургер! Спасибо! – улыбается она.

Разговор напоминает абсурдные миниатюры из старых фильмов – и тогда не смешных, а сегодня и подавно.

Я включаю телефон и показываю ей то самое фото, которое пару часов назад шокировало Полено. Так, проверить рефлекс. Не сказать, что муза удивлена или как-то выдаёт свою реакцию. Всего на пару секунд фокусирует взгляд и пожимает плечами.

– Послушай, давай начистоту, – я беру инициативу в свои руки или просто делаю вид. – Мы можем помочь друг другу.

Она задумчиво перекачивает полупустой стаканчик в руке и внезапно спрашивает:

– Любишь пышки?

Чушь какая-то.

– При чём тут пышки?

Раздражение, как вода в чайнике, начинает набирать температуру и пускать пузыри.

– Видишь? – показывает она пальцем на парочку, которая с бумажными тарелками отходит от ларька с едой. – Вот это мы. Кажется, что белые и сладкие, но пудра осыпается, а под ней – жирное тесто, оставляющее разводы на руках и пятна на салфетках. Так и ждёшь, что тебя укусят. Там, наверху, я первой задала тебе вопрос. С поправкой на ситуацию и известным результатом. Ты спрашивал, что за игра? В правду в детстве не играл? Я действительно не верю, что мы случайно оказались на этой крыше одновременно. Ну?

Смысла продолжать нет. Окей, я имею отношение к ар-

тельщикам, признаюсь ей без особого желания. Пока это всего лишь слова, и есть мало чего в мире менее значимого, чем сложенные вместе буквы. Случайно, как дни нашей жизни – неумело и в хаотическом порядке. Тем более я оставляю пути для отхода: отношение бывает разное.

– Довольна? Что дальше?

– Есть только один способ проверить, не врёшь ли ты, – поправляет платье муза. – Да-да, нечего было меня спасать, рыцарь! Теперь расхлёбывай!

Здесь без неожиданностей – добрые дела наказуемы. Очевидно, что Маша больше в теме, чем казалось изначально.

Артельщики и старьёвщики – две стороны одной медали. Наши инь и ян. Одни создают, другие разрушают. Со стороны покажется, что это манипуляции начинающего клоуна, но каждое действие так или иначе смещает баланс. Рябь на воде уйдёт, как та, что исчезла после заплыва сапсёрферов здесь, на реке, но если на неё наложится другая, третья, то рано или поздно это приведёт к цунами. Такого допустить нельзя.

Что делать? Приоткрыть дверь или пойти в отказку? Судя по тому, что я уже услышал и додумал, она не обыватель, а частичка сообщества. Пока непонятно, в какой связи. И, похоже, единственный способ не упустить момент – сотворить чудо: пройтись по воде или превратить капучино в вино, а дальше действовать по обстановке.

Я достаю блокнот. Веревающий младенец метрах в пяти доводит до белого каления мать, которая всячески пытается

его успокоить. Рисую первое, что приходит в голову – кошку: рыжую, пушистую, с наглой мордой. Через секунду она появляется на скамейке из ниоткуда. Ребёнок резко берёт паузу в своей милой истерике. Зверь усаживается на хвост и начинает себя вылизывать. Чадо сначала заинтересованно смотрит, потом заходится очаровательным булькающим смехом. Матери бы перекреститься, чудо всё-таки, но она всего лишь выдыхает с излишней сладостью в голосе: «Какой милый котик!».

– Милый котик подойдёт? Проверку прошёл? Не бот? – я достаю остывший бургер и беру пробу. – Все светофоры отметил на фото?

– Королева в восхищении, – цитирует муза классiku. – Как ты это делаешь?

– Это уже второй вопрос. Тебе всё равно никто не поверит. Давай хотя бы по очереди.

– Папа меня всегда учил держать слово, – говорит она. – Но учти, я плохо понимаю, что здесь происходит. Кто такие артельщики, старьёвщики знаю лишь примерно...

Врёт? Я тоже, так что мы квиты.

– А одного из них лично вижу в первый раз. Долгие годы я старалась относиться к этой информации как к приключениям Гарри Поттера. Оно где-то есть – в книгах, фильмах, но меня не касается. До недавнего времени... Я жила нормальной жизнью, залипала в сериалах, ходила на концерты, помогала подруге в азиатской забегаловке... И тут появились

они.

– Они?

– Хочешь нелепую историю? Держи! Двоюродная сестра уехала к родственникам, попросила пару раз зайти в свою квартиру на Грибоедова, проверить, всё ли в порядке, цветы полить... Такая огромная, раньше там была коммуналка... Потом её собрали, словно конструктор. Я пришла туда как-то после смены, открыла дверь – всё как обычно, но цветов не нашла. Только картины. Десятки мольбертов: от орнаментов, словно с советских обоев, и подсолнухов до, кажется, копий известных полотен. Уж прости, в живописи я профан... И, что самое удивительное, все незаконченные. Везде чуть-чуть: то пятно белое, то угол недорисованный. Это было предельно странно, но ладно, думаю, всякое бывает... У неё много знакомых не от мира сего: музыканты, художники, студенты с серьгами во всех местах и татуировками на шее. Короче, кочуют люди, остаются на ночь, не моё дело. Позвонила сестре: вне зоны действия сети. Ну и фиг с ней, подумала: нет цветов, нет уговора. А когда решила уйти, обнаружила, что входной двери как не бывало.

– И что вместо? Стена? – вспоминаю штампы из ужасников.

– Та же сама дверь... Но как будто нарисованная, – сама себе удивляется муза. - Картинка.

– А окна?

– Тоже. И такая странная, пугающая тишина. Неживая,

что ли, стерильная... Когда ты родился в большом городе, от такого отсутствия звуков просто отвыкаешь... Где бы ты ни был, тебя везде окружают шумы, скрип половиц, кряхтение соседей – и всё в таком духе.

– Что дальше?

– Происходящее казалось похожим на какой-то сюрреалистический сон. Но это были только цветочки. Блин, опять цветы! Ненавижу их! Если захочешь мне их подарить, прорастут с обратной стороны!

Неужели она подумала, что я и правда позвал её на свидание? Или к слову пришлось?

– Да я сам не фанат цветов... Не кролик же... – робко пытаюсь оправдаться за то, чего ещё не делал, но она даже не замечает.

– Потом начала твориться форменная чертовщина. Фигуры с картин начали двигаться, будто в хорошей анимации. Они смотрели точно на меня, клянусь! Стоило отвернуться на пару секунд, менялись позы и выражения лиц. Словно в замедленной съёмке... В этот момент я окончательно запаниковала.

Трудно её винить. Любой бы струхнул.

– В тот момент, когда я стала звать на помощь, человек на одном из портретов приложил палец к губам. Это была иллюзия, или меня реально видели... с той стороны? Чёрт его знает.

– Что это был за человек?

– Ты думаешь, я делала заметки? Ещё они шептали в унисон. Что-то неразборчивое, будто трава в поле шелестела. Я пыталась найти тихое место в квартире, чтобы успокоиться, подумать – или наконец проснуться, благо там много комнат, обычная такая проходная, но везде один и тот же эффект. Не помню уже, что схватила, но начала колошматить мольберты. Они падали, рвались, но голоса не исчезали. Всё как в тумане.

Она осекается и застывает. Вся история проносится у меня в голове. Цветы, старая квартира в доходном доме, говорящие картины. Только Старухи-процентщицы и Пиковой дамы не хватает для полного комплекта. Я могу менять реальность, знаю и других, кто может. Но что это вдруг за коммунальный бермудский треугольник без окон и дверей? В чём её роль? И как она из дореволюционных апартаментов попала на крышу советской панельки?

Внезапно возникшая тишина повисает густой завесой между нами и вторгается в окружающее пространство. На скамейку с края пытается присесть старик, вежливо спрашивающий, не занято ли, но от хлёсткого взгляда музы вздрагивает и ретируется. Она, кажется, читает мои мысли. Говорит: всё решил один крик. Когда голоса стали невыносимыми, она заорала что есть мочи, и морок сгинул. Я открываю рот, чтобы уточнить детали, но муза мгновенно парирует.

– Думаешь, это наркотические бредни?

– Я не...

– Только вот...

Она лезет в сумку. Посреди стандартного девичьего «супового набора» из косметики, салфеток и прочей мишуры оказывается обрывок холста – как улика. Единственное воспоминание после той галлюцинации.

– Это Мунк, «Крик»... Классика, – признаю я очевидное.
– Но пока яснее не стало.

– Я выбежала в дверь, даже не закрыв её на ключ... Просто хлопнула и не возвращалась. Боюсь туда идти, уж точно не одна.

Остаётся лишь последний штрих. Как она оказалась на крыше? И что это был за картинный прыжок?

– Ты ждёшь развязки истории? А её не будет. Во всяком случае не сегодня, – говорит муза, щурясь от солнца.

Несмотря на мощные кроны деревьев, оно, солнце, нас нашло, и мы ему рады. Присаживайся, места хватит для всех!

– Слишком много произошло в последнее время. Я не готова. Чувствую себя персонажем глупого подросткового романа.

Я и сам это понимаю. Разве что романы у нас разные, но, пожалуй, готовы слиться в межавторский цикл, где каждый пишет свою главу, а потом притирает наждачкой на радость издателю. Пока я строю красивые параллели в голове и ловлю тёплый ветер в волосах, она встаёт, поправляет платье, пару секунд сомневается в чём-то, будто ведя внутренний диалог, и наконец разводит руками.

– Ну пока! Спасибо ещё раз за ланч! Не худший день в моей жизни... На этой неделе, уж точно!

– Продолжение в следующих сериях? – уточняю на всякий случай. – Кинь хотя бы анонс, как напишешь.

– Непременно. Но обойдёмся без спойлеров, ладно? И смотри, ненароком не влюбись!

– А если уже?

– Не могу тебе запретить.

Муза иронично улыбается, пускает наигранный воздушный поцелуй и растворяется в тридцатиградусном мареве, как и вчера, словно и не было. Что и говорить, умеет же! По крайней мере, убивать себя снова она вроде бы не планирует. Большого и не требуется.

Я размышляю о том, насколько велики мои шансы не влюбиться, когда жизнь свела нас вот так, по-киношному, буквально толкая навстречу друг к другу, опускаю голову на спинку скамейки, закрываю глаза и сон берёт своё.

7

Мне двенадцать, шестой класс. По логике – пятый, но из тогдашней системы четвёрку почему-то вычеркнули. Так в некоторых странах избавляются от тринадцатого этажа из-за суеверий.

В сером постсоветском детстве явно не хватает ярких красок. Кажется, кто-то закинул тебя в «Улицы разбитых фона-

рей» и отобрал пульт. Это сейчас лихие 90-е принято поминать недобрым словом, а тогда мы просто в них существовали и лихими они нам не казались. Унылые, обшарпанные подъезды, ржавые ларьки с забулдыгами всех мастей, растрескавшийся асфальт, будто несколько лет назад цивилизация приказала долго жить, а природа постепенно взяла своё. «Сталкер», «Последние из нас»... Но ничего сверх того.

Я иду в школу. Она гордо зовётся гимназией, поскольку там учат иностранным языкам – и не абы как, а основательно. Но на «картофельном» поле, которое почему-то по-прежнему именуется футбольным, выгуливают собак, так что перед матчем с дворовыми кому-то приходится лопатой выгребать мины, любовно расставленные четвероногими друзьями. Кто больше хочет играть, тот и утилизирует дурно пахнущую субстанцию. Так выходит, что больше всех нужно мне. Под гогот одноклассников я несу свой груз на обочину, потя, словно от него идут три провода и тикает таймер.

– Савва, давай! Красиво выступаешь! – улюлюкает Дима Федотов.

Так и просится зачислить его в шпану, которая проходу не даёт, отбирает обеденные родительские рубли и ставит подножки на пути к доске, но нет. Обычный. Они все обычные. Стандартная шайка: мальчики покрепче, девочки покрасивее. Одно к другому притягивает, как магнит. Школьные подколы, но никакого буллинга в современном понимании. Никто не макает щуплых очкариков в унитаз головой.

Разве что бюст Солона из кабинета изо могут на перемене засунуть тебе в портфель. А когда, опоздав к началу урока из столовки, где скучный обед неизменно проигрывает нехитрым постсоветским пирожным, ты расстёгиваешь молнию, из недр сумки под всеобщие овации выплывает белёсая голова античного мыслителя. Смешно всем – и тебе не меньше остальных.

Всё меняется с приходом Рената. Помотавшись по разным учебкам, но при деньгах, он занимается боксом и на всех смотрит хищником. Словно в «Республике ШКИД», выученной наизусть, быстро делит класс на своих и чужих. Это не нравится никому, но кто осмелится спорить? Приколы сменяются подзатыльниками, а те – сериями. И делает он это просто потому, что может. Деньги не стреляет, родители – коммерсанты на «шестисотых», с охраной и пачками наличности. Он хвастается, что просто берёт из стопки в серванте сколько нужно и, как Слаёнов в «республике», премирует свиту за мелкие поручения. Только не хлебом, а сотками. А те сотки не чета нынешним, на которые можно купить лишь банку колы.

– Эй, Савва! – догоняет меня в залатанном школьном коридоре его низкий голос. – Чего за имя такое хреновое? Даже не сократить.

– Твоё как будто можно!

Я отзываюсь автоматически и тут же об этом жалею. С языком у меня столетняя война. Держать его в гараже за зу-

бами не удаётся, сколько ни упрасивай себя. А зубов может стать меньше.

Ответ Шаха, сокращённое от фамилии: то ли -туллин, то ли -ддинов, отзывается в рёбрах ещё пару дней. Он называет это «строевой подготовкой» и использует ещё массу слов из армейки, которые слышал от брата, прошедшего Афган. Да, я мог бы пожаловаться дяде Мише, он сам из ближнего круга какого-то уважаемого в Питере человека, но не хочется прослыть слюнтяем и тряпкой. И так без авторитета, с дополнительной группой на физре. Приходится отсиживать сложные элементы, бегать укороченные дистанции под жалостливые взгляды и подколы Федотова со товарищи, а девочкам стыдно попадаться на глаза.

На единоборства, естественно, также не берут. И ухожу от мира я в видеомагнитофон, который настойчиво переваривает приключения Джеки Чана, Шварценеггера и Ван Дамма, если не зажуёт плёнку, а также за рамки громоздкого монитора, где можно погонять в Doom... И, конечно, в блокнот.

Рисовать комиксы меня надоумил Макс, которому отец-дальнобойщик возит ништяки из Германии. Тамошние супергерои с будущими слюнтяями в 4К не сравнятся. Без лоска, зато мы в них безоговорочно верим, словно они живут в квартире напротив: черепахи, паук и прочая фауна. В моих тетрадках жертва биологического эксперимента, нелепый Человек-мангуст, подсмотренный в «Рикки-Тикки-Та-

ви», мутузит змей и спасает мир. Я не могу спасти даже себя, только нарисовать.

«Ухаживания» Рената становятся всё навязчивее. Долго выбирает между мной, тощим заучкой Сашей Стекловым, у которого предки – хрестоматийные институтские преподы в очках с двойными стёклами, и странным увальнем Андреем Гмалем с вечно взъерошенной причёской и томиком Хармса в портфеле. А ещё он бесконечно декламирует глубокомысленные стихи не по возрасту и булькающе хохочет – идеальный объект для битья, но почему-то я, серый и не особо приметный, Ренату кажусь интереснее.

– Опаньки, смотрите! Художник!

Шах выхватывает блокнот у меня из рук, разворачивает на первой попавшейся странице, а там, как назло, Человек-мангуст даёт пинки злодею, очень похожему на Ренатика. Тому приделаны обезьяньи причиндалы во всех смыслах, но узнать можно без труда.

Получаю оплеуху наотмашь. Так сильно еще не было.

– Сожрёшь у меня сейчас эту шнягу, чмошник! – кидается на меня Шах.

Но тут в класс входит Наталья Михайловна, математичка с вечно ироничным выражением лица и умными глазами, а с ней шутки плохи.

– Опять хулиганишь? – обращается она к Шаху.

– Никак нет! – паясничает он и становится по стойке смирно. – Обижаете, Натальямихална! Я мухи не обижу. Мы

комиксы обсуждаем. Савва вон рисует как круто! Да ведь?

Мне остаётся только кивнуть, хотя пол-лица болит нещадно, но эта половина – на тёмной стороне Луны, старшим не видно. Что тут сделаешь?

– Смотри, дефективный! – сквозь зубы говорит Ренат, когда к нам теряют интерес. – Хана тебе. Сегодня после школы, в три, за гаражами. Не придёшь – я тебя по дороге встречу вечером. А так – при всех поговорим. Больше шансов сохранить хоть парочку зубов.

Угроза кажется вполне осязаемой. Словно её можно схватить вспотевшими руками и со всех сил сжать – до красноты. Взгляд удаляющегося татарина остаётся со мной под протяжное «уууу» свиты, которая корчит рожи и предвкушает увлекательное шоу.

На литературе и труде не могу думать ни о чём другом. Мысли комарами жужжат под ухом, разрываясь между желанием убежать и звонком дяде Мише. Но почему-то в выборе из двух опций всегда находится третья – самая глупая. Убираю сменку, вешаю на плечо портфель и иду за три ржавых гаража, что торчат рядом со школой с доисторических времён. Они и сейчас там стоят, спустя столько лет. Проросли, возможно, до самого центра Земли – символ вечности.

Сажусь на скучное бетонное ограждение и жду. Ренат, как и обещал, появляется не один. Федотов тут как тут – и с ним вся банда, включая ухмыляющуюся блондинку Аню Потапову, в которую я наивно влюблён. Конечно, тайно. О таком

не говорят, только смущённо опускают глаза, чтобы вдруг кто-нибудь не заподозрил. В потоке высока конкуренция: все остальные пацаны, а в рейтинге героев этой школьной игры я максимум третий-пятый с конца, и выше мне не подняться, сколько ни мечтай. Особо посмотреть не на что, и не дрался в жизни ни разу. Тем более приятно будет отхватить люлей у неё на глазах.

– Хренасе, пришёл! Думал, засыт! – ухмыляется Шах.

Остальные вторят ему, как шавки.

– Чудно! Давай покороче. Хочешь ещё пожить? Становись на колени и целуй кроссовки, пару дней дам. Вперёд! Только смотри не в засос! Они новые, два дня как из Штатов. Батя привёз.

Вокруг раздаются фейерверки смеха, но я почти их не слышу. Внутри зреет что-то недоброе, кровь стучит в висках каким-то унылым техно. Такого в себе я ещё не ощущал и не хотел бы впредь. Вроде тошноты с температурой, которые поднимаются откуда-то издалека. Будто проглотил комок пыли.

– В жопу себя поцелуй!

Сам не узнаю свой голос. Все на миг застывают: никто не ожидал акта внезапного и отчаянного героизма.

Ванька Вел, камердинер Рената, получивший погонялово за эффектное падение с велосипеда, оставившее шрамы на лице, даже успевает присвистнуть. Видимо, размышляет, в чём меня хоронить – все сервисы для предводителя стаи на

нём.

Шах идёт убивать, но вдруг медлит, застывая на месте. Не передумал – за забором проходит физрук, самбист и поборник справедливости. Туповатый, но добрый. Пока Тимур Саныч скрывается из виду, я практически бессознательно маляю в блокноте – в голове туман. Взгляд Рената наконец фокусируется на мне, но я не даю ему вставить ни слова.

– Тебя никогда берёза не била? – спрашиваю у него, дрожа всем телом и дорисовывая новую страницу комикса.

Возможно, последнюю до больницы. Так хочется, чтобы мангуст выпрыгнул из той реальности в эту и как-то подсобил.

– Чего ты несёшь! – багровеет Шах, сдабривая каждое слово матом.

Под ржач других он заносит руку для удара, а я делаю последний штрих. На бумаге одна из веток дерева врезается ему в голову. Когда это происходит на самом деле, я даже не успеваю испугаться. Ренат отлетает на пару метров, из глубокой раны течёт кровь. Девчонки в ужасе визжат, парни машинально отходят на несколько шагов.

Нужен ещё один кадр, контрольный. Не даю Шаху отойти от шока: он боксёр, надолго нокдауном из себя не вывести. Ветка дерева обхватывает его грудь и припечатывает к стволу. Ровно как на свежей картинке, от которой я отрываю выдавший виды, обслюнявленный и изрядно погрызенный карандаш.

– Что это, твою мать, за магия? – как истеричка орёт Федотов. – Я один это вижу?

Но сейчас уже не их очередь ходить. Ковыляю к крепко зафиксированному Ренату, которому, очевидно, становится трудно дышать.

– Ну что, раздавить?

Рот мой, а голос доносится чужой. Кто-то считает, что необъяснимые вещи нужно пережить, осмыслить с мелодраматическим выражением на лице, но для этого не всегда есть время. Меня происходящее даже не шокирует. Вся злоба, разочарование и пассивность сходятся в одной точке, словно в комиксах о супергероях, которые я рисую.

Шах в ужасе. Ещё один штрих, ветка сжимается. Из его рта доносится не то вздох, не то всхлип.

Помрачневшее небо как по команде затягивает реальность дождём. И тут я понимаю, что улыбаюсь как идиот. Момент триумфа наверняка со стороны выглядит форменной шизофренией, но почему я должен себе в этом отказывать? Терпел и визуализировал слишком долго.

Федотов ловит мой взгляд, блуждающий по округе, и буквально садится на землю, как от удара. Это потом, спустя дни и недели, он скажет, что выглядел я как шизик в дурке, а он врать не станет: в психушке у него работает дядя.

Пока блокнот окончательно не намок под тяжёлыми каплями, машинально перечёркиваю кадр расправы. Откуда я знаю, как это работает? Без понятия, всё на ощущениях и

инстинктах. Берёзовая ветка возвращается в своё статичное состояние, освобождая «заложника». В голове эффект кино: будто происходит всё это не со мной, я просто пассивный наблюдатель. Но одна мысль всё же пробивается через файрвол: в любом хорошем боевике нужна крутая финальная сцена. Как художник я легко всё организую, но её не будет.

Тихо разворачиваюсь и ухожу в сторону дома под музыку дождя, ни на кого не оглядываясь. И лишь краем глаза замечаю, что деморализованный Шах даже не пытается подняться.

8

– Хочешь жить? – злобно говорю Ренату и пытаюсь схватить его за горло, но картинка внезапно исчезает в дымке, которая через пару секунд рассеивается.

Я снова на скамейке в парке: там, где мы недавно расстались с музой. Сидящий рядом студентик лет двадцати, вероятно, отмотавший сессию, ошарашенно смотрит на меня. Убираю руки и пытаюсь его успокоить: мол, это был сон, но тот почему-то не горит желанием слушать мои скомканные разъяснения и предпочитает ретироваться, чуть не роняя сумку в траву.

Гляжу в телефон – прошло минут десять, не более. Стаканчик с кофе и остатки гамбургера мирно лежат под ногами. К еде уже приступили голуби. А я им ещё семечки за-

хватил.

Кошка, которую я ради непонятого эффекта привёл в наш мир своим карандашом, не пожелала скрыться в растительности и устроилась рядом. Пару разноцветных шпицев, накрепко привязанных к старушкам поводками, лают в её сторону, но рыжая морда снисходительно не обращает на них внимания и щурится на солнце. Чувствует нашу связь? Возможно. Оказывается, мы в ответе за тех, кого нарисовали.

Какое-то время уходит на то, чтобы прийти в себя. Всё было настолько реально, что заставило вернуться назад – к нулевому ординару. Долгие годы, как в заправском психологическом триллере, я старался гнать эти образы из воспоминаний поганой метлой, но они, разумеется, нашли меня сами. Мама долго учила выдавливать майонез до последней капли, скручивая упаковку. И сегодня я выдавил всё без остатка.

Вокруг продолжает беззаботно играть лето. Полупустой кораблик наконец отплывает в сторону залива, освобождая перспективу. Из всего разнотравья посетителей парка глаз цепляется за странно одетых мамашу с ребёнком – словно из другой эпохи. На женщине – синее платье старомодного фасона и летняя шляпка пшеничного цвета, а спина мальчика «перетянута» лямками. И ещё смущает состаренная книга в руках: такие обложки лет семьдесят никто не делал. Сцена удивительно знакома, но я не могу вспомнить откуда.

– А это соцреализм, который вы так любите, – слышу

выразительный, слегка хриплый голос справа. – Подляский Юрий Станиславович. Член Союза художников. Картина называется «Летом».

Рядом сидит щеголеватый мужчина в тонком клетчатом костюме, при усах и аккуратной бороде. Я, конечно, был в расфокусе какое-то время, но не мог не заметить, как он подошёл. И тем не менее он тут.

– Прекрасная работа. Зимой увидишь такое, сразу станет жарко и захочется ледяного пива, – продолжает несуразный щёголь.

Звучит настолько старомодно, что даже противно. А вот пива действительно хочется. При этом независимо от погоды.

– Я вас знаю? – некультурно прерываю эту художественно-гастрономическую зарисовку.

– Вечно вы, молодёжь, куда-то торопитесь! – учтиво улыбается незнакомец во весь рот. – Посмотрите вокруг. Разве нам есть куда спешить?

Действительно некуда. Сложно спешить, когда сидишь на скамейке.

– Мы даже не ощущаем движения нашей планеты, плывём по течению, как эти... Всё время забывают слово...

Собеседник тыкает пальцем в сторону в людей на воде.

– Сапсёрферы, – помогаю я.

– Точно-точно. Они. И вы бы, Савва Степанович, равнялись на самых мудрых. Следовали бы всеобщему курсу, а не

пытались вмешиваться в процессы, если их не понимаете. Людей спасать, в Шерлоков Холмсов играть. Нет, если, конечно, кто-то тонет, совершенно естественно прыгнуть в воду и вытащить бедолагу. А если у вашей бабушки, скажем, украли кошелёк в магазине, можно попытаться выследить преступника. Но мы же о частностях говорим, не в общем.

Диалог на скамейке посреди парка всё настойчивее напоминает сцену из классики. Слава богу, трамвайных путей нет на сотни метров. Да и масло пролить сегодня сложнее, чем слёзы.

– Вы угрожаете или просто предостерегаете?

Мне очень не нравится его медово-пряничный тон, который вступает в явное противоречие с содержанием разговора.

– Упаси господь угрожать! Считайте это дружеским советом.

– Мы не друзья. У друзей по крайней мере есть имена.

– Поговорку слышали: меньше знаешь, крепче спишь? Кто умножает знания, умножает скорбь.

– Я всё-таки предпочитаю умножать, хоть и не сказать, что я гений в математике, – хочу поскорее закончить беседу. – Иначе мы немногим будем отличаться от животных. И когда весь мир летит в тартарары, мы видим только экран телефона, где ролики меняются сами собой: в них танцуют и поют. Вот теперь захотелось немного порулить.

– А, может быть, так лучше? – отзывается щёголь, и в его

голосе уже нет тех притворно-сладких нот. – Большинство из тех, о ком вы говорите, даже ужин себе не смогут выбрать, не то что в жизни разобратся. Чем чаще они умножают, тем больше у них на руках цифр, которые они в глаза не видывали. Как счёт за коммунальные услуги. У нас на ладони целый мир, мы летаем в космос и изучаем высокие материи, но люди по-прежнему готовы убить из-за того, что им наступили на ногу в автобусе. Разве такого вы хотели? И те, за кого вы вступаетесь, сдадут вас самого при первой же возможности. Стаду нужна пастушья собака, иначе овцы разбредутся.

К нашей скамейке прилетает цветастый детский мяч, который останавливается буквально в нескольких сантиметрах от моей ноги. Отправляю его обратно.

– И вы решили, что пастушья собака – именно вы?

Собеседник мечтательно и одновременно иронично улыбается. Напряжения, которое буквально витало в воздухе пару минут назад, как не бывало.

– Так решаем не мы! Назовите это высшей силой, если хотите, – разводит он руками. – Иной раз на человека достаточно бросить взгляд, чтобы понять: овца он или пастушья собака. И здесь есть лишь одна развилка: когда вы поняли, какая на вас шерсть, перейти на нужную сторону, а не пытаться со стадом мирно щипать траву и ждать, пока за вами придут, когда понадобится мясо для шашлыка.

– Главное, одно стадо не сменить на другое, ведь пастух в каждом всё равно один.

Продолжать пикировку он, похоже, не намерен. Степенно встаёт со скамейки, поправляет пиджак и вытирает хлопковым платком испарину с лица. Не знал, что такими до сих пор кто-то пользуется.

– Вы крепкий орешек. Впрочем, у нас ещё будет шанс обменяться мнениями. И скорее, чем вы думаете... Спасибо за уделённое время! Разговаривать с вами – одно удовольствие, – на прощание улыбается странный тип.

– А не разговаривать – другое! – иронизирую я в ответ.

– Ах, чудесный юмор! Ну до встречи!

Провожая его взглядом, пытаюсь найти хоть какую-то зацепку, но странный тип не оборачивается, ни с кем не встречается и просто исчезает в потоке пешеходов за деревьями. Мне тоже пора.

В тот момент, когда я делаю первый шаг, ноги касается что-то мягкое. Кошка и не думала уходить и, кажется, не согласна знакомиться с этим миром в одиночку. Что с тобой делать? Тот вариант, который мелькает в голове, мне не нравится. За долгие годы я привык не делить личное пространство с кем бы то ни было, но всё когда-нибудь заканчивается.

Достаю издававший виды блокнот и рисую переноску. Прозрачная сумка по команде материализуется на скамейке. Расстёгиваю молнию, готовясь утрамбовать туда кошку против её воли, но всё выходит с точностью до наоборот: рыжая морда изящно запрыгивает внутрь и готовится обрести новый дом. Словно прекрасно понимает, что к чему.

– Ну погнажи?!

Я начинаю нехитрый разговор с новой подопечной, но что-то внезапно смущает. Как минимум отсутствие имени. Достаточно сегодня безымянных вокруг.

– Как тебя назвать?

В ответ из-под сетки получаю неуверенное мяу, но ничего путного в голову на жаре не лезет. В таком случае есть универсальное правило, подсказанное знакомыми маркетологами: исходите из места или ситуации. Вокруг шумит парк, по газону прыгают белки, выпрашивая орехи.

– Точно! Ну что, будешь Белкой?

В ответ встречаю многозначительное молчание. Вроде бы договорились.

9

На асфальте у неприметного подъезда зелёной брежневки цифры за утро потускнели от тысяч ног и лап, но всё ещё вполне различимы. Вокруг телефона музы собирается детская «наскальная» живопись, артефакты спального района: озорные цветы всех мастей, ухмыляющиеся кривыми фарами машинки, бессистемные узоры, некоторые из которых вполне претендуют на место в музее современного искусства. И куда без классиков, в которые аккуратно, со всей доступной любовью и без ошибок вписано матерное слово? Родители играющих рядом детей даже не попытались его сте-

реть.

Сам внезапный автограф Маши и тогда вызывал удивление, а сейчас и вовсе кажется крайне сомнительным. Но ведь это был жест на эмоциях, не поддающийся логике. Стоит ли беспокоиться о приватности, когда ты только что собирался совершить непоправимое?

– Чей это номер? – слышу голос за спиной.

Обращаются явно ко мне.

Только теперь понимаю, что я буквально застыл посреди тротуара со взглядом, сфокусированным в одной точке. Рядом на скамейке восседает пузатый мужичок – шаблонный обитатель дворовых лавочек. Растянутые штаны, скрепоносная футболка, едва не рвущаяся на пузе, сандали с носками, фирменный пакет из ближайшего магазина и банка дешёвого пива в руках. Аборигены с удовольствием вступают в диалог.

– Честно говоря, не знаю, – вру на голубом глазу.

Как легко это выходит!

В ответ житель многоэтажки двусмысленно улыбается, будто чеширский кот, без лица, одними лишь губами и прокуренными жёлтыми зубами. Словно знает обо мне всё.

– Чудеса здесь нередко происходят, – продолжает он. – Вон я давеча курил на балконе. Живу на девятом этаже, то бишь последнем, – он показывает пальцем на самый верх, словно девятый может находиться где-то ещё. – И представьте себе: на минуту отвернулся, смотрю, а в углу стоит зелёная бутылка водки гигантского размера... Я таких никогда

не видел! И не подумайте, что я совсем сбрендил. Да, выпить не дурак, но не настолько, чтобы такие вещи пропустить.

До меня эхом издалека дотягивается недавнее воспоминание. Не знаю, как мужик решил для себя конфликт очевидного и невероятного, но судя по открытой банке сделать это ему трудностей не составило.

– И, главное, я ещё остался виноватым, – толстяк растерянно разводит руками, которые больше напоминают недошедшее до кондиции тесто. – Фаня мне вlepила по первое число, на какие шиши и зачем я это купил. А мне и ответить нечего... Вы мне не верите!

Он осекается, вызывая у меня странное чувство беспокойства: ну вот, предположительно хорошего, пусть и не внушающего доверие человека подставил на ровном месте – просто из хулиганских побуждений. С такой же ответственностью пацаны на спор бьют остановки и кидают мусор из окон.

– Отчего же? Верю, – отзываюсь с наигранным энтузиазмом, одновременно размышляя, как надёжнее всего распрощаться. – Я в жизни видел кучу вещей, которые сложно объяснить. И поверьте, внезапный ящик пива – здесь не самое удивительное. Всего хорошего!

Ныряю в тень от козырька и дёргаю за ручку двери вслед за старушкой, которая входит в подъезд. Прохлада и сырость сражаются с парилкой улицы и догоняющей репликой мужичка с пивом.

– Меня Лев Абрамыч зовут! Заходите поболтать как-ни-

будь!

Ага, уже занёс в ежедневник.

Поднимаюсь по лестнице на последний этаж. Обшарпанная дверь на крышу по традиции закрыта на ржавый амбарный замок с облупленной краской. Но, как говорил мой преподаватель по живописи, многозначительно почёсывая залысины, у настоящего искусства нет преград.

Всего пару движений карандашом по разлинованной бумаге – и вместо двери образуется проход. Если бы Жорж Милославский из гайдаевской классики «Иван Васильевич меняет профессию» знал меня лично до встречи с Шуриком, он бы не стал удивляться тому, как легко можно убрать стенку в любом помещении.

На раскалённой крыше кроме солнца и лёгкого ветра – одни голуби. Вид на район завораживает, хотя я здесь не за этим. Но привычка замечать прекрасное активно крадёт время.

Я присаживаюсь на бетонную конструкцию и в блокноте как можно более подробно пытаюсь реконструировать воспоминания минувшей ночи. В тот момент, когда заметил музу в первый раз. Свет и тень, луна и облака, движение воздуха, даже свои ощущения – всё имеет значение. Если ошибиться хоть где-то, то никакого эффекта не будет.

Его и нет. Пытаюсь понять, что упустил, и нахожу: ракурс не тот. Меняю угол зрения на ходу, корректирую пропорции и заканчиваю свой импровизированный комикс из жизни.

ни серой многоэтажки. Мир вокруг меня как по команде меняется. Так резко темнеет при входе в кинотеатр. Исчезают звуки улицы, крики детей и непрерывный гуд машин, перемежаемый скрипом несмазанных велосипедных цепей. Крыша превращается в театральную сцену – настоящую музейную диораму в натуральную величину. Если бы нашу жизнь как киноплёнку можно было отмотать назад, получилось бы нечто подобное – только в статике, без движения.

Муза как ни в чём не бывало застыла у двери в виде тени. В тот момент, когда мы впервые соприкоснулись в этой реальности, я видел не человека, но силуэт.

Что ж, пора за дело. Предстоит понять, как она здесь оказалась и почему собиралась сорваться с крыши. Я уже не первый раз переселяюсь на несколько минут в собственный рисунок, но по-прежнему не могу привыкнуть к бездонной, холодной тишине и полной статике. Даже в межзвёздном пространстве блеклые точки, погасшие миллионы лет назад, перемигиваются с новорождёнными галактиками. А здесь полный штиль.

Если музу кто-то преследовал, то он должен быть рядом. Или, по крайней мере, оставить какие-то следы... Привычку беседовать с самим собой я отточил годами. Психиатрия? Пускай! Обычное хобби интровертов, для которых отражение в зеркале – самый доступный и умный собеседник.

С парапета «брежневки» во все стороны как на панно разворачивается живописная ночь до горизонта, но практиче-

ски нет людей – лишь несколько человек в парке, включая двух алкашей, которые взмахнув матерились, когда мы уже сидели внизу. Никого у подъезда, пустота на скамейках. В припаркованных машинах, которых раз два и обчёлся, нигде не горит свет.

На лестнице? Обхожу тёмную сущность, которая через пару секунд могла бы превратиться в Машу и двинуться к краю. На все пролёты вниз полное безмолвие: никаких подростков, малюющих на стенах, или гопников, распивающих остатки. Прохожу до самого подвала. Там ирреальность из рисунка заканчивается. Вокруг просто тёмная пелена. Если до неё дотронуться, ничего не почувствуешь, ни во что не упрёшься, но и дальше не пройдёшь. На спуске в подвал прочная решётка и ещё один амбарный замок: брат-близнец того, с девятого этажа.

Возвращаюсь обратно не солоно хлебавши. Следак из меня сегодня никакой, но второй, контрольный осмотр придётся совершить. Застывшие луна и облака напоминают фон в старой компьютерной игре из 90-х, поставленной на паузу. В детстве я научился самоустраняться из этой реальности разными способами.

Мысли бомбардируют мозг, но ничего путного не оседает в памяти. Пора сворачиваться: конструирование рисунка отнимает слишком много сил. Чувствую, что ноги начинают подкашиваться от усталости.

Остаётся время на одно полезное действие. Напоследок

подхожу к краю, откуда пыталась сигануть на все девять этажей Маша, и смотрю вниз. Рядом с подъездом, чётко подо мной, вижу ещё один рисунок. Он настолько большой, что, стоя прямо на нём, сложно оценить масштабы. С близкого расстояния видишь отдельные, искажённые элементы, нарисованные детьми на асфальте. Значит, все эти цветы...

Лицо покрывается испариной, руки потеют, что ещё больше усугубляет слабость. Что за чёрт?

– Выходит, она не бежала ни от кого? – вопрос застывает в воздухе.

Отсюда картину трудно узнать, но опыт и насмотренность говорят о том, что хоть линии и узоры напоминают каракули, они здесь совершенно неспроста. И это что-то да значит. А что именно, ни малейшей зацепки.

Достаю смартфон и успеваю в последнем порыве сфотографировать рисунок, прежде чем в глазах темнеет окончательно.словно соседняя реальность врезалась в тебя на полной скорости.

– Вы как сюда попали?

Возвращение в наш план бытия из иллюстративного начинается с неуверенной качки.

– Здесь нельзя спать!

Первое, что я вижу, открывая глаза, – чрезмерно загорелые руки, совершенно не по сезону для города в начале июня. Дворник в яркой спецовке наклонился ко мне и пытается установить нехитрый контакт. Нарушать правила – не

мой конёк, так я просто ухожу, поднимаясь с раскалённой крыши.

– Извините...

Солнце оставило болезненный отпечаток у меня на лице, пока я был здесь, но в то же время далеко.

Я поднимаю упавшие блокнот и карандаш, киваю растерянному узбеку и прохожу в дверь на лестницу. Амбарный замок устало висит на ручке, переливаясь всеми оттенками ржавчины. Но мизансцена на этом не заканчивается, чего-то не хватает. Делаю шаг назад и сталкиваюсь с тружеником ЖКХ в дверном проёме.

– А вы случаем не знаете, кто нарисовал картину на асфальте под домом? – спрашиваю у него. – Такую огромную, что только с крыши видно.

На лице у гостя из недалёкого зарубежья на миг возникает подозрение, но внезапно выражение меняется на благостное:

– Какой-то мужчина... Тощий, в пиджаке, – улыбается он. – Вчера весь вечер рисовал. Мы смеялись, мол, в детство впал. А дети ему помогали. У меня самого трое. Асмира тоже. Нравится?

– Очень, – в очередной раз за день выдаю чьё-то желаемое за моё действительное. – Так держать. Станет художницей.

Узбек в спецовке снова растягивает рот в улыбке. Теперь мне здесь делать точно нечего. И пока охранник крыш и чердаков уболтан, я со всей силой неоднократно тыкаю в кнопку старенького лифта, расплавленную зажигалкой.

На скрип ключа в массивной двери отвечает звук когтей по паркету. Да так, что я невольно вздрагиваю, ведь здесь отродясь никого не водилось. Нелепо прозванная Белкой за неимением здоровых альтернатив, кажется, вполне освоилась в сорока метрах кирпичной новостройки, не выглядит встревоженной и активно вылизывает себя.

Из хвостатых обитателей всех прошлых квартир могло бы выйти небольшое, но крайне разнообразное кладбище домашних питомцев, будто отобранных строгим жюри для сценария фильма ужасов. Весь этот грустный реестр усопших из животного мира, стоя посреди тускло освещённого коридора, я вываливаю прямо на кошку – вслух. Она всё это время терпеливо и задумчиво смотрит на меня, словно решая, достоин ли я доверия и не закончится ли её история так же трагично. Дело не совсем безнадёжное, но и не пустое: сразу не поймёшь.

В египетской «Книге мёртвых» бог солнца Ра постоянно принимал образ рыжего кота. Того змея, которого в соответствии с мифом препарировал тысячи лет назад небожитель, у меня, к счастью, нет, но начало новой истории тоже попадает мифологией.

Я опускаюсь на корточки и смотрю ей прямо в зелёные глаза, а она – обратно, сразу в душу.

– Ты как, остаёшься?

Кошка молчит, словно размышляет.

До встречи с Репиным несколько часов. Усатая-полосатая забирается на подоконник и изучает обстановку под весёлые крики с детской площадки далеко внизу. На фоне голубого неба эта сцена достойна кисти кустарного бытописца с Невского проспекта и ценника в 1000 рублей максимум, но зачем что-то рисовать, если есть скучная и безжалостно точная камера в телефоне.

Через пару секунд рыжее на голубом, овеваемое на заднем плане лёгкими облачками, напоминающими развевающуюся фату, летит в мессенджер к музе. Где она? Куда направилась? В каком районе живёт? Может быть, мы соседи? А ведь я по сути о ней ничего до сих пор не знаю. Кажется, даже имя, ультимативно брошенное мне в лицо в ночи на безымянной крыше, не настоящее. Просто первое, что пришло в голову там, на высоте над спящим городом.

А что вообще настоящее в этом мире? Если я могу рисовать фальшивых кошек, кто-то должен был запланировать этот хитрый механизм. Но сейчас он кажется не более понятным, чем дорога, которая привела обезьяну с палкой к самолётам и нейросетям.

Смартфон закончить столь животрепещущую мысль посреди коридора с бежевыми обоями не даёт, приходя с ответом.

«А если бы ты нарисовал крокодила?»

Не праздный вопрос от человека с явно непростой судьбой. Зрит в корень.

«Жилплощадь не позволяет их рисовать».

В стиле любимого пинг-понга отбиваю иронию обратно одним пальцем, два у меня не попадают в клавиатуру. Как другие умудряются ими резво печатать, будто танцуют фламенко, ума не приложу.

«У неё уже есть имя?»

«Белка!»

«С фантазией у тебя конкретные трудности. Почему?»

«От рождения».

«Почему Белка?»

«Ну... Их там тьма – в парке. Ничего другого не пришло в голову, сорри».

«Странные вы художники. Кстати, с чего ты решил, что у тебя девочка?»

А вот это уже удар в поддых мужской логике. И что тут ответишь? А есть такое слово: «белк»?

«Ну рисовал-то я кошку».

Конечно, кошка – понятие абстрактное. Некоторые считают, что это жидкость.

«Теперь, видимо, придётся к ветеринару везти. Заодно и привить. Не знаю, нарисованным животным нужны прививки? И вообще они едят, в туалет ходят?»

«Зачем к ветеринару? Помрёт – новую нарисуешь».

«Не смешно».

Заглядываю на кухню. Хочу выпить воды, но рука как назло удобно ложится на початую бутылку неизвестного вина из магазина через дорогу. Я вспоминаю, как Репин однажды просил меня нарисовать ему банкет на юбилей родителей, чтобы сэкономить сто тысяч рублей, но я отказался: придётся потом за чревоугодие, корысть, гордыню и зависть с картины “Трапеза” Перова расплачиваться – ели тогда мужики в рясах нехило. Да и времена нынче непростые. А с гордыней, корыстью и завистью как раз всё по-прежнему прекрасно.

«Я тут подумал...»

Детали трансцендентных перемещений по ту сторону иллюстраций, разумеется, опускаю. Лишнее, да и в принципе ещё не время. С музой мы, похоже, играем в какую-то хитрую «мафию». Никто не готов раскрываться. Ждём, пока город заснёт.

«Я видел твоё грандиозное полотно мелом на асфальте, где мы сидели тогда».

Ответа нет. Мессенджер многозначительно молчит. Я практически ощущаю колебания воздуха по другую сторону линии. Муза затаилась. Неужто не ожидала, что следствие попадёт в нужное русло так быстро.

«Талантливо. Как в музее: большое видится на расстоянии. Вот только не понял, что за оригинал...»

Тишина. Делаю последнюю попытку её нарушить.

«Мы хоть увидимся ещё? Нам есть что обсудить».

Два предложения проваливаются в никуда. Она там, я это

чувствую. Что ж, пусть так. Всё, что не делается, не делается к лучшему.

Пускаю звуки улиц себе в дом и выхожу на балкон. Помимо велосипеда и вешалки для одежды одна на одной здесь громоздятся коробки: ненужные вещи и личный архив, который не успел к цифровизации – или не заслужил её. По закону Мёрфи, когда на меня накатывают воспоминания – очередной волной, как у Ван Гога с его «Видом моря близ Ле Сент-Мари-де-ла-Мер», я задеваю нижний ряд, и приливом бумаги эскизы и побрякушки выносит к моим ногам. Не хватает водорослей и морской звезды.

Я с сомнением поднимаю тетрадный лист, который устроился поверх остальных. Подозрительно знакомый почерк, смазанные чернила... В наивном страхе перед собственным прошлым запикиваю лист обратно в коробку вместе со стопкой других, но он, словно распечатка из принтера, аккуратно, даже немножко нежно и зазывающе, вылетает обратно.

Пожалуй, это судьба. Пожелтевший кусок бумаги шершаво ложится в руку и жалостливо просит: ну давай, читай! Подчиняюсь, но видит бог, я не хотел.

11

– Ты когда-нибудь видел «В мире животных», когда белая акула заплывает в косяк рыб в океане? И те организованно разбегаются в разные стороны, сохраняя строй?

Криво, как получается только у него, улыбается Пахомыч или Пах, в миру – Иван Пахомов, для меня – Бяо.

Странный очкарик с вечно обкусанными губами и в мятом пиджаке, который смотрится на нём, как на сломанной вешалке в палатке на ближайшем рынке, где ты дрожишь на картонке в одних портках, примеряя цирковые наряды на три размера больше. Пах – с виду идеальный вариант для использования в качестве груши и одновременно – ярчайший пример мимикрии в школьной фауне. К своим 13 годам он уже где-то на пути к чёрному поясу, поэтому боксёр Ренат, попытавшийся устроить сосунку тёмную в первый же день своей инициации в гимназии, резко растянулся на грязном полу в туалете словно осьминог, выдернутый из стихии на палубу корабля. Приземление было как у космического спускаемого аппарата – жёстким, даже оглушающим, но не фатальным. И, разумеется, теперь об этом не принято говорить.

Отсюда и родилась кличка – Бяо. Я тогда был в восторге от «Закусочной на колёсах» и прочей гонконгской классики на видеокассетах, где щедушный и извечный спутник Джеки Чана в толстых роговых очках разбрасывал негодяев как дети – хлеб голубям.

Мстить Бяо банда не захотела, но и принимать к себе – тем более. Парень стал пустым местом, с которым никто не общается и не сидит за одной партой. Кроме меня, конечно. Одинаковые материи притягиваются.

– Так забавно наблюдать, – продолжает он с широкой улыбкой. – Они обтекают тебя по коридору, будто ты какой-то хитрый инопланетный организм. Почти по стеночке. Помнишь, Т-1000 из «Терминатора», жидкий металл? Что ж ты такого натворил?

Мне остаётся лишь пожать плечами. С Бяо у нас вполне компанейские отношения: секретиками по-девчоночьи не делимся, но откровенны, насколько на это способны подростки с целой библиотекой комплексов, мнимых и реальных скелетов в шкафу. Хватит на целый «Апофеоз войны» Верещагина. Эта картина странным образом висит у меня над столом, словно напоминая о бренности мира, когда в своём возрасте ты даже не приблизился к его пониманию.

В любом случае объяснить фантасмагорию, случившуюся под берёзой за гаражами, выше моих сил.

– И Рената я не видел уже несколько дней, – загадочно продолжает Пахомов. – Говорят, заболел. А ещё говорят, что ты его вырубил у школы, так что у него траншея на голове образовалась, словно он в «Мортал Комбат» играл не на компе. Вот только без фаталити обошлось.

Хочу сказать, что завершающий удар был в планах, но я его отменил. Говорю, но, разумеется, только про себя.

С Бяо мы обмениваемся видеокассетами и ужасающими оцифрованными копиями на «сиди», пересматриваем каждую неделю «Коммандо», «Рэмбо» и «Идущего в огне». С единственной разницей: мой молчаливый приятель может

как Жан-Клод Ван Дамм, Чак Норрис и Джеки Чан, а я только визуализирую свои подвиги, спасая в блокноте принцесс.

– Да я честно без понятия, – неумело вру.

Теперь, спустя столько лет, ясно, откуда это пошло.

– Какой из меня вырубальщик?

Бяо не отзывается эмоциями, двусмысленно поправляет очки и хлопает меня по плечу, закругляясь с разговором. Он вообще задаёт мало вопросов, старается больше слушать и впитывать. Монолог про «В мире животных» может вполне потянуть на его самое длинное словесное соло в истории.

– Ладно, звонок был, пошли, – говорит Пахомов.

В этот момент Лёвик Кагоцкий, всеобщий шут из параллели, явно пародирующий Джима Керри, по дороге в класс решает ловко перемахнуть через тошнотворно выглядящую лужу в рекреации: только что обедом стошнило какую-то первоклассницу. И в чём она неправа? Кормят как могут, конечно.

Я видел заступы на олимпийских соревнованиях по прыжкам в длину, поскольку просто помешан на спортивных трансляциях, но для Лёвика неумелый расчёт его прыжка оборачивается лихим падением прямо в топь, дрифтом метра на три-четыре и клеймом на всю жизнь в виде клички Блёвик.

Рекреация превращается в один сплошной гогот. Смех равняет всех: толстых и тонких, злых и добрых, интровертов и экстравертов, тех, у кого камень за пазухой, и тех, у кого

он в ботинке. Перед смехом мы все одинаковые. Даже обычно сдержанный и вечно взъерошенный Гмаль, угорающий до испарины исключительно над своими высокоинтеллектуальными шутками из Хармса и Зощенко, не по возрасту поня-тых, сгибается пополам.

Строгая литераторша Елена Сергеевна Лиханова, по старой шкидовской традиции сокращённая до ЕсЛи, ещё и потому что употребляет это слово чаще других, выбегает из класса на шум и буквально взрывается от бреющего проката Лёвы: он, как Плющенко в лучшие годы, только без коньков, лёжа и неспешно барражирует на размазанных остатках еды в сторону доски почёта, на которой никогда бы не смог оказаться.

ЕсЛи смеётся до слёз. До сих пор этой солёной воды на лице у неё никто не видел: ни от радости, ни от горя. Но это была сиюминутная слабость, и образ тюремного надзирателя из советских фильмов возвращается мгновенно.

– Марш в класс! Кагоцкий, если завтра не увижу твоих родителей, вылетишь отсюда! – не орёт, а тоном Снежной королевы повелевает ЕсЛи, заполняя всё пространство вокруг, разливаясь от стенки до стенки своим платьем в горошек. – Если человек дурак, то это надолго!

– А если нет, то это на сколько? – шепчет Бяю, подмигивая мне.

Я неспешно захожу в класс: косяк школьников оплывает меня и приземляется за партами. Чужие взгляды бурят заты-

лок и спину так, что становится жарко, словно присел к батарее. Но стоит чуть повернуть голову, как картина рассыпается на мелкие осколки: кто-то настойчиво «сканирует» стену, другие изучают планирующие с дерева кленовые листья, напоминающие кубики тетриса на лёгком уровне.

Аня Потапова рассматривает ногти, как будто весь Эрмитаж уместился на кончиках её тонких пальцев. Дима Федотов провожает взглядом ленивую муху, задержавшуюся на казённых харчах в школе до осени и заполучившую лишний вес. Андрей Гмаль зевает, концентрируя во взгляде всю бренность нашего мира, пока ЕсЛи заливает про жажду деятельности, борьбы и в то же время одиночество поэта, которому мерещится парус одинокий.

Разделяя эту безнадёгу и хандру, я машинально малую в блокноте, на инстинктах, выработанных долгими месяцами, когда в темноте зимних вечеров зарываюсь под одеяло в родительской брежневке и стекаю в апатию под холодные, умирающие ритмы.

На бумаге выходит что-то осмысленное, но пока неясно, что именно. Всё стандартно: доска, стол, рожи, большие уши и рога. Суповой набор любого школьника.

– Федотов, хватит жевать карандаш, – снова повелевает ЕсЛи. – К доске давай, быстро! Читаем стихотворение Михаила Юрьевича Лермонтова «Парус».

Дима меняется в лице: явно раздосадован тем, что его отвлекли от трапезы канцелярскими принадлежностями. Он

робко встаёт, поправляет классический мятый постсоветский пиджак и медленно идёт на Голгофу, неся тяжёлый крест. От счастья его отделяют всего три четверостишья, но даже самая короткая дорога бывает бесконечной. С ненавистью к Михаилу Юрьевичу, обычно уверенный в себе Федотов по-козлиному блеет что-то про «туман моря голубого». Разумеется, слово «голубой» вызывает повсеместное хихиканье.

В тот момент, когда изрядно вспотевший Федотов просит бури, как будто в буре есть покой, между пальцами шестиклассника просачивается вонючий дым. Так может пахнуть только «Пётр I», всегда первый, которым шмалят старшеклассники за углом школы.

Лиханова с некоторой задержкой оборачивается и замечает в руке у Димы раскуренную сигарету. Растерянный Федот бросает её на пол, машинально давит ногой и застывает в немой сцене.

– Ты совсем сдурел, что ли? – уже не вопрошает, а сиреной заводится ЕсЛи, хватая визави за пиджак. – Марш к директору, дегенерат!

Когда она выкидывает вперёд руку, словно собирается отправить дартс в яблочко, и указывает на дверь, в её пальцах появляется ещё одна сигарета. И тут у всех окончательно срывает клапаны. ЕсЛи отшатывается назад под оглушительное улюлюканье ржущего бА и без сил падает на стул.

Шоу выглядит ярко и забавно, но только в этот момент

я синхронизирую свой рисунок с окружающей реальностью. Стоп, теперь и в учебниках по древнему миру становится опасно малевать? Не хотелось бы призвать Тутанхамона в наши скромные классы. Ему не зайдут порубленная штука-турка и полуживые фикусы.

Возникает ощущение, что меня спалили: липкое и паническое, когда холодеют руки и в голове проносятся возможные последствия, но на удивление никто не смотрит в мою сторону. Кагоцкий уже проворачивал шутки с куревом на уроке изо, вставлял сигареты в рот Аристотелю и Платону. Правда, пока не поджигал. Но осадок всегда остаётся. И сегодня шестому «а» невдомёк, что наш Джим Керри сейчас либо скверно пахнет под дверью у директора, вызывая отвращение у молоденькой секретарши, либо уже по полной получает от матери в мрачном коридоре соседней девятиэтажки. Отмыть рвоту легче, чем репутацию.

Всех спасает противный звонок на перемену – извечная отдушина двоечников, надежда и опора униженных школьной программой и оскорблённых классиками. Уже через минуту дым улетучивается через окно, открытое Федотовым со скрипом и снегопадом из облупившейся краски. Хабарик умело затушен и заброшен под кипу мусора в ведро у стола. Если. Скандал не нужен никому, так что обе стороны гомерической пантомимы негласно договариваются молчать. А зрители уже посмеялись вдоволь, им достаточно.

Бяо как гамельнский дудочник уводит меня за собой из

школы. За длинную перемену мы успеваем сгонять в универсам через дорогу за чупа-чупсами и новомодными сникерсами, полностью наплевав на материнское «кушай хорошо». Хорошо не значит скучно. Затем, потратив мелочь, мы сидим на задних партах, выдувая пузыри.

Рекордсмен Саша Спирин, прозванный Сопли за умение в период орви производить зелёную ленту практически до пола, опять не оставляет никому шансов. Напихав за щёки десять «бомбибомов», он выдувает разноцветный царь-пузырь размером с мяч и разводит руки в сторону, празднуя победу. Но когда усатый математик Пал Саных Крынников, в нашем подполье Пацаныч, проплывает со своим старомодным портфелем к столу, шар взрывается и облепляет лицо Спирина от уха до уха.

– Ну дебил, – жужжит себе в усы Пацаныч, поправляя засаленные волосы и выдавший виды пиджак.

Сопли пытается собрать руками налипшую массу под нашу истерику, к которой, как инструменты в оркестре, один за одним присоединяются одноклассники, но тщетно. Даже обычно манерная красотка Аня Потапова, выглядящая, словно только что сошла с подиума, хохочет до слёз, опустившись на колени у своей парты. Гмаль уже даже не плачет, а кричит ослом, пытаясь вернуть дыхание.

В этот момент время как будто останавливается. Пробираясь к своей парте сквозь раскрасневшиеся от смеха физиономии, я фокусирую взгляд на странном состаренном листе

бумаги, торчащем из учебника по алгебре. На заднем фоне народ активно комментирует новый образ Спирина, сравнивая его с героем комиксов про Стэнли Ипкиса и фильма «Маска», но через пару секунд я, уже на автопилоте в рекреации, пробегаю по ровному, почти каллиграфическому почерку. Смех остаётся позади, фоном.

«Савва, здравствуй! Мы не знакомы. И даже не пытайся гадать, смотреть по сторонам, хотя это никогда не помешает. Я удивлён, как легко ты справился с неожиданным даром, свалившимся на твою голову. Другой бы слёг или ходил тенью себя прежнего, но ты в полном порядке.

Наверняка сейчас думаешь: да что они могут знать о том, что творится у меня на душе? Но поверь мне: не ты первый. И, возможно, даже не первый после тысячи. Ход вещей не остановить, время идёт своим чередом, перемалывая людей. И ты просто оказался в нужном месте в нужное время. Или наоборот: в ненужном – в ненужное. Решай сам.

Учти: в том, что ты недавно познал, у тебя не будет проводников. Ждешь объяснений и инструкций, как в ваших любимых играх? Не рассчитывай. Дальнейший путь зависит только от тебя. Ты можешь благополучно забыть то, что видел, как это забудут все остальные. Со временем увиденное будет казаться им наваждением, сном. Так сделали многие, прожив свои банальные и скучные жизни. Возможно, и к лучшему.

В твоём даре, если он, конечно, не погаснет, как спичка

на сквозняке, нет никакого величия. Даже если ты продолжишь, попытаешься понять, зачем он нужен и откуда пошёл, простых и однозначных ответов не будет. Но один совет готов тебе дать: не трать свой талант попусту. Он не стоит рисков в учебниках и детских шалостей. Прометей сберёт для людей огонь. Ты сбереги свой. Что дальше, решать только тебе. Однажды ты найдёшь ему применение. Или применение найдёт тебя. Нужно просто набраться терпения.

Возможно, когда-нибудь наши пути пересекутся, но есть шанс, что мы никогда не встретимся. В любом случае удачи! Не растеряй её!».

Сердце бьётся как сумасшедшее и готово выпрыгнуть из груди, в голове адски пульсирует кровь, но спасение приходит откуда не ждали.

– Эй, Красильщиков, отдельное приглашение требуется? – прерывает скоростной бег гормонов козлиный голос Пацаныча из двери. – Пять секунд тебе определиться: остаёшься тут или идёшь на математику.

И опять выбирать мне.

– Конечно, на математику, Павел Александрович, – слышу издалека собственный голос.

– Мудро!

Лист ложится в карман, чтобы к нему никогда не возвращаться.

Из лёгкого сумрака воспоминаний, налетевших тёплым южным ветром, выводит очередное мягкое прикосновение. Кошка настойчиво трётся о мою ногу, словно она проводник между мирами. С живыми тварями, появившимися естественным путём, всё понятно, опыт есть. Но вот с рисованными... Этот бездумный эксперимент ради сиюминутного эффекта достоин самого Иуды Лёва бен Бецаля с его големом из средневекового пражского гетто да Виктора Франкенштейна для полного комплекта литературных ассоциаций.

– Рисованный корм тебе подойдёт, Белка?

На полном серьёзе спрашиваю у кошки и чувствую, что это имя ей как корове седло. Своё седло я ношу много лет, привык. Почему бы не оставить просто Рыжую, поменяв строчную на заглавную? Эврика! Рыжая и Белка ещё пару секунд борются в моей голове. Но последняя побеждает с заметным преимуществом.

На виртуальный корм молчание строго отрицательное. Так наверно потихоньку сходят с ума, начиная различать нюансы в бессознательном. Представляю себя лет через двадцать в захламлённой квартире, набитой рисованными кошками. Они все, будто созданные под копирку нейросетью, лукаво смотрят на меня и требуют жрать. Перспектива не впечатляет.

– Ладно, Рыжая, уже иду в магазин!

Быстро утрамбовываю своё прошлое обратно в коробку и ретируюсь с балкона на кухню, а затем в общий коридор. До магазина метров пятьдесят – за угол завернуть. Но и тут я умудряюсь чуть не попасть под электросамокат, на котором с улюлюканьем и визгом несутся трое странно одетых тинейджеров, не по сезону и не по времени: пацаны в выдавших виды картузах, которые сегодня можно увидеть лишь в музее, девочка – в залатанном платке. Рядом бежит гавкающая собака, замызганная и неопределённой породы.

– Эй, вы чего, совсем сдурели? – ору им вслед, но тут же осекаюсь. – Да иди ты!

Набираю первый попавшийся номер – самый желанный на текущий момент. Разумеется, музы. Через пару секунд она берёт трубку.

– Представляешь, меня сейчас чуть «Тройка» не сбила!

– Опохмелялся «Балтикой»? Не везёт мне, опять связалась не с тем, – смеётся она. – А с виду вроде приличный парень – художник.

– Да нет же, реально перовская. Даже одежда один в один. И собака при них. Только без бочки, на жёлтом электросамокате. И никаких безысходных страданий на лице, одна безудержная радость. Бабку какую-то опрокинули у кондитерской и уехали дальше – за горизонт.

Она долго молчит, но возвращается:

– Если бы тебя не видела лично, подумала бы, что ты под грибами. Даже дети цветов на Вудстоке наверное такого бре-

да не несли!

– Да лучше мухоморы с картошкой, чем это! Что вообще происходит?

– Откуда им здесь взяться? – после паузы отзывается Маша. – Я, конечно, полный ноль в искусстве, ну может быть, ноль тридцать три, но «Тройка» то московская, из Мамонтовской галереи. Была там с отцом сто лет назад, припоминаю.

Так, по крайней мере в наличии имеется отец, что уже ценно. Во всяком случае в моменте. Хотя я знаю таких отцов, что лучше бы их не было.

– Она сейчас у нас, на выставке. К очередному юбилею открывают через несколько дней с пафосом и чиновниками. Там будет толпа. И это совсем скверно. Ситуация готова выйти на общегосударственный уровень... Представь себе, что будет, когда это обнаружится...

– Ну и? Что я должна сделать? Приехать и догнать их? – безразлично говорит муза. – Сказать, мол, ребята, дело плохо, надо вернуться к бочке, зиме и страданиям? Или что там на картине автор задумал?

– Хотелось бы... – на автомате отвечаю я. – Слушай, я тут подумал... Давай вместе сходим в ту квартиру на Грибоедова. Я наконец созрел.

– Ты что, клубника? – отзывается Маша и осекается.

Тишина на той стороне снова становится гуще – можно ложкой есть, как повидло. Слышу учащённое дыхание и

больше ничего.

– Если нужно подумать, то пожалуйста...

– Нет, всё нормально, – внезапно вздыхает она. – В конце концов какой у меня выбор? Говорят, страхи можно победить только, если снова с ними намеренно столкнуться. Так тому и быть. Когда?

– Да хоть сейчас! Всяко лучше, чем выбирать между Белкой и Рыжей...

– Ты ещё одну нарисовал?

– Не, всё та же... Ты случаем не знаешь, как правильно корм выбирать?

– Мышей с какой-нибудь картины сгони... из ваших мюзеев.

После длинной паузы в мессенджер приходит номер дома на Грибоедова. Я пытаюсь разгадать магию цифр, вспоминая, когда поэт родился и погиб, но эту скучную математику прерывает резко открывающаяся мне навстречу дверь магазина. Время идёт, не стоит злить проводника между мирами.

13

Площадь встречает обычной какофонией звуков, которая иного может сбить с ног. Зазывалы всех мастей борются с колокольным звоном и подростками, которые в микрофон весьма неплохо пародируют Цоя и какие-то девичьи песни, мне неведомые. Хочется подпеть легендарному треку «Хо-

чу перемен!», ведь Виктор Робертович в моей судьбе был вторым после «битлов» и пугал соседей из огромных колонок советской стереосистемы в пол. Его глубинных текстов я в свои семь-восемь лет, разумеется, не понимал, но музыка тем не менее резонировала со всеобщим ожиданием изменений и серостью советского быта. Цой «озвучивал» путч с «Лебединым озером» по телевизору, очереди за синезелёной курицей по талонам и неосвещённые улицы, на которых вздыбленный асфальт терялся в удивительных узорах. Теперь перемены, созвучные тем, но пока ещё не столь заметные, несомненно грядут.

Посреди безразмерной скамейки, тянущейся змейкой через всю площадь у метро, скромно, но почти величественно восседает муза. Мороженое в руках слишком быстро тает, и даже царственная особа, высеченная из камня и раздутого самомнения, не смогла бы сохранить лицо, слизывая жидкие разводы пломбира с рожка.

Пока Маша борется с кондитерским изделием на тридцатиградусной жаре, я успеваю в очередной раз восхититься её перевоплощениями. Либо она обчистила гипермаркет одежды, либо я никогда не видел нормального женского гардероба, ибо холостяцкая жизнь этому не способствует. Платье осталось дома, а его место заняли узкие рваные джинсы, припаленная футболка с едва различимой символикой и пиджак с короткими рукавами.

– Зря столько денег тратишь на шмотьё, – пожимаю пле-

чами я. – Могу тебе что-то путное нарисовать. Первые три картинки бесплатно. Пробный период...

– А потом зачеркнёшь свои художества? И останусь в неглиже? – усмехается муза.

– Идея неплоха, но нет. Эффекты, просуществовавшие в нашей реальности по крайней мере пару часов, уже не в моей власти.

– А в чьей?

– Всему своё время. Если у нас всё зайдёт так далеко, то рано или поздно ты с ними встретишься.

– У нас?

– У нас и квартиры твоей сестры. Кстати, ты упоминала отца... Не пора ли ему заняться воспитанием дочери?

Я пытаюсь выторговать ещё одну деталь из её жизни. Так наивно в кондитерском отделе ребёнок тыкает без разбору пальцем в пирожные и пончики, вызывая к кошелькам родителей. Но по другую сторону диалога – непробиваемая стена – броня.

Маша по новой традиции пропускает вопрос мимо ушей, поднимается, выкидывает мятую упаковку в мусорку и ведёт меня за собой. Мы переходим площадь, сворачиваем в тень «змейки» дореволюционных домов и следуем по каналу вперёд вдоль воды.

– Долго идти? – спрашиваю я без задней мысли.

Просто поддержать разговор, которого нет.

– Устал? – щетинится она в ответ знакомым сарказмом.

Мне это привычно, хотя на палитре психологических девиаций я лично предпочитаю более благородную и светлую иронию. Но между разными видами насмешек тонкая и не всегда заметная грань.

– Вообще-то я ради тебя здесь. Мне и помимо поквартирного обхода есть чем заняться.

Маша на миг застывает на полушаге и пытается откатить всё назад, словно это комбинация клавиш на клавиатуре.

– Извини.

Она берёт меня за руку. Прикосновение приятное и даже отчасти волнующее. Может быть, я и вправду влюбился с непривычки? Что-то электризуется и копится между нашими пальцами, но лишь мгновение. Муза отпускает мою руку, и мы как ни в чём не бывало продолжаем путь.

Минут через десять ныряем в переулок, затем в типичный двор-колодец с исписанными стенами. Из прохладной тени, как летучие мыши из пещеры, на нас выпархивают местные. Растерянный парень просит прощения, а девушка настойчиво пытается выяснить, за что именно. Они делают несколько кругов и скрываются на боковой аллее.

Мы с Машей смотрим друг на друга и улыбаемся, абсолютно искренне и тепло, как будто знакомы целую вечность. Но улыбки улетучиваются, как только перед нами возникает артритная парадная, сгорбившаяся под своим весом.

Поднимаемся на третий этаж к квартире с неопределённым номером. Перед старой массивной дверью вся уверен-

ность в себе и заносчивость музы улетучиваются. Она буквально уменьшается в размерах, как кэрроловская Алиса, и готова спрятаться за меня перед шагом в неизвестность. Я дёргаю дверь, но та не поддаётся, хотя Маша уверяла, что в панике выбежала из квартиры, не закрыв её.

Ключ со скрипом поворачивается в замочной скважине – и мы внутри. Впереди длинный коридор, уходящий в кофейную гущу темноты, и полосы солнечного света, пробивающиеся из комнаты. Они эффектно подсвечивают летающую пыль.

Муза мгновенно, броском кобры тыкает пальцем в выключатель, видимо, ожидая, что «из маминой из спальни» выпрыгнет кто-то кривоногий и хромой. Детские страхи буквально клубятся в бывшей коммуналке.

– Как, говоришь, твою родственницу зовут? – спрашиваю я, делая пару шагов вперёд.

Уверенных вроде бы.

– Может быть, я её знаю. Художники обычно держатся вместе.

– Мила. Сретенская – фамилия, – говорит муза и идёт за мной, буквально дыша в затылок. – И она не художница, нет. Скорее неформалка, которая дружит с творческой элитой, музыкантами и акционистами. Кое-что продаёт, что-то покупает. Но её имя ты вряд ли увидишь в новостях.

– Нет, не знаю. Я бы запомнил.

Дизайн «гребёнки» с типичным длинным коридором и

несколькими просторными комнатами поражает незаурядностью вкуса. Раньше бы это назвали русским китчем, но, пожалуй, зумерам и даже их родителям такое словосочетание лучше не предлагать – не поймут. Хотя бы не цыганское барокко, за что Машину родственницу уже можно похвалить.

Красные обои с узорами, разномастные люстры и плафоны, как будто собранные в одном помещении строительно-го гипермаркета, картины через каждый метр. На некоторых действительно цветы или растения, но ассортимент оказывается гораздо богаче, чем муза рассказывала. Разумеется, и без подсолнухов Винсента Ван Гога обойтись нельзя. Попикона как-никак.

– Твоя Мила – явно человек необычный. В такой дизайнерской солянке только оленьих рогов не хватает, – пытаюсь незамысловато пошутить.

– Они в другой комнате. Той, что рядом с кухней.

Мычу что-то нечленораздельное, пока мы обходим все помещения и открываем дверь за дверью. Маше не показалось в бреду: все свободные площади, включая кухню, гостиную и даже ванную, заставлены мольбертами. Сколько их, сразу и не поймёшь – штук двадцать, не меньше. Странно, что в туалете не оказывается шедевра.

– Сидишь на горшке с утра в позе мыслителя Родена и вглядываешься в мазки художника! Вместо телефона... Это ли не романтика? – спрашиваю музу.

– Ты всё-таки дурак! – машинально отвечает она, не отвлекаясь от странной экскурсии.

– Что поделатъ, творческие люди они такие. По крайней мере, ухо я ещё себе не пытался откромсать... Извини. Каков план? Незаконченные этюды, отсутствующие детали, рисованные цветы на месте обычных: всё так, как ты говорила, но ничего сверх того. Никто не глядит на нас из картин. Просто флора и застывшие фигуры. Когда всё началось? Нужен триггер.

– Я не уверена, – задумывается муза.

– Попробайся вспомнить. А то пока это выглядит как будто мы зашли к твоей Милке в гости на чай и убедились в том, что в дизайне помещений она ничего не смыслит. Может быть, ты что-то трогала или открывала?

Муза бродит взглядом по интерьеру, а в комнате есть на что посмотреть: антикварные ходики, странные статуэтки индуистских богов, фарфоровые куклы, кипы бумаг разной степени состаренности, изуродованные холсты. Не удивился бы магнетикам, но, возможно, они на кухне, где им и положено быть. Антикварная лавка без ценников.

– Да! – внезапно почти кричит Маша. – Я часы заводила, вот эти настенные. По просьбе сестры...

Часы как часы. Мой дед – мастер по этой части, поэтому в родительском доме они были развешаны в немалом количестве. Особенно мне нравилась сосновая шишка из металла, которая заменяла груз на больших ходиках, в которых с ха-

рактерным хрустом нужно было заводить пружину. В голове проносится карусель звуков из детства.

— Ну давай попробуем — только обратной дороги не будет, — говорю я. — Не пугаю, предупреждаю. Готова?

Вряд ли можно считать это кивком. Я забираюсь на массивный стул в обуви, да простят меня Мила и её многочисленные постояльцы. Ключ в часах со скрипом делает несколько оборотов, но, кажется, ничего не происходит. Меня это вполне устраивает, в чужие тайны предпочитаю не лезть, но было бы слишком легко.

Мы привыкли, что в драматической фантастике в ответственный момент сверкает молния, искры вышибают из твёрдых поверхностей или воздух внезапно становится тягучим. Режиссёр нашего спектакля явно смотрел аналогичное кино. В тот момент, когда я делаю шаг в коридор, свет начинает мигать, как в дешёвых хоррорах, а входная дверь буквально на глазах затягивается иллюзией. Ещё мгновение — и на её месте глухая стена. Всё по инструкции. По крайней мере без сюрпризов, это хорошо.

Картины, до сих пор молчаливые свидетели встреч и расставаний, а также, как пить дать, толстых мужичков в семейниках, неуклюже шлёпающих в душ ранним утром, начинают шелестеть, как и было обещано. И этот звук действительно трудно назвать приятным. Начало положено.

Десятки голосов на умопомрачительной скорости твердят хитрую скороговорку, в которой слов не разобрать. Ко-

гда муза вылетает из комнаты, на ней в буквальном смысле нет лица. На ближайшем, неопознанном мной полотне, где взъерошенный крестьянин со страдальческим выражением лица вилами убирает сено на фоне хрестоматийной русской деревеньки, горизонт внезапно приходит в движение, а за ним и передний план. Да, довольно избитый анимационный приём, встречающийся повсеместно, но тут он каким-то образом проникает в реальность. Как? Самому любопытно.

Мужик неопределённого возраста в издавшей виды рубахе поворачивается в нашу сторону и начинает быстро приближаться, не откладывая садовый инструмент, пускающий солнечные зайчики. В какой-то момент его рябое и загорелое до черноты лицо, на котором отпечатались десятки лет тяжёлого труда, загорает солнцем. Спецэффекты что надо. Грязный, потный и бородатый, он молчит и злобно смотрит в нашу сторону, не понимая, как выбраться за пределы своей художественной тюрьмы.

– Этого помнишь? – спрашиваю я Машу, чья физиономия по цвету сейчас не отличается от свежей побелки.

Она судорожно кивает, обхватывает мою руку и прижимается всем телом. Так на видео в соцсетях выглядят котята, которых пытаются искупать в раковине.

– Твоя родственница, похоже, чего-то не договаривает. Я бы на твоём месте потребовал сатисфакции, – чрезмерно уверенно говорю я, пытаюсь разрядить обстановку, и муза слегка ослабляет хватку. – Не просто так она попросила

завести часы. И тебе в этой истории, похоже, уготована какая-то роль... и явно не второго плана.

– Думаешь? – робко спрашивает она.

– Стараюсь. Иногда выходит.

Отчаявшись проникнуть в наш мир, крестьянин делает несколько шагов назад, но попыток дотянуться до нас не оставляет. Усталые глаза нездорово блестят, губы включаются в общий речитатив. Постепенно к хору присоединяются другие полотна. Живые картины полнятся звуками, персонажи встраиваются в только им понятный хоровод взаимодействий и перемещений. А все вместе звучат наподобие улья, и это ж-ж-ж-ж, как авторитетно заявлял Винни-Пух, неспроста.

– Что будем делать? – шёпотом интересуется муза.

– Я бы перекусил, но боюсь открывать здесь холодильник. Кто знает, что там лежит. Ждать, пока мужик вылезет из рамы и начнёт гоняться за нами с вилами по дореволюционным комнатам, тоже не самая лучшая идея, поэтому попытаемся уйти из гостей, не попрощавшись с твоей подружницей.

– Как?

Я показываю пальцем на правый верхний угол, где симпатичное пушистое облако, напоминающее подушку, постепенно вылетает за границы видимости. Именно там обнаруживается малозаметный брак: небольшое пятно фона нарочито не дорисовано, как будто взывает к совести пейзажиста. Можно сравнить с пазлом, от которого пара деталей залете-

ла под диван. Или с битыми пикселями на экране монитора. Всё зависит от вашего бэкграунда. Мне ближе пиксели.

Я беру блокнот, оцениваю перспективу и халтурно, чтобы сэкономить время, устраняю недоделку. Не уверен, что здесь требуется мастерство Левитана. Пятно в углу холста затягивается, а вместе с ним грозящий нам мужичонка возвращается в исходную позицию. Ещё пару секунд назад облака задумчиво проплывали по небу, напоминая анимированные компьютерные обои, а гуси и свиньи резвились перед крестьянской избой. Теперь внутри рамы тишина. Движение замирает в стоп-кадре, словно его и не было.

На лице музы возникает вселенское удивление, будто я только что вызвал дождь посреди пустыни. Хотя на фоне моего художественного аттракциона трюки из древних книг выглядели бы детскими фокусами.

– Ты знал? – спрашивает Маша.

– Догадывался. Когда в парке ты рассказала мне о незаконченных картинах, в голове что-то да прояснилось. Дело за малым. Прогуляться по этому Диснейленду и закрыть порталы в мир высокого искусства, иначе мало ли какие шедевры оттуда могут повывлезать. А потом уже действуем по ситуации. По крайней мере стало понятно, откуда бурлаков запускают в наш мир. Давай сворачиваться, у меня вечером есть кое-какие делишки.

Мы неспешно обходим все комнаты одну за другой с инспекцией. Сюжеты представленных картин не поражают во-

ображение: пасторальные картинки, сельский быт, исторические персонажи. Кое-что не более ценно, чем упражнения художников-любителей, впаривающих свои этюды туристам в сквериках. Другие же вполне сойдут за мастерские копии классики или, вполне возможно, оригинальные работы современных авторов. На хорошую троечку с плюсом.

За полчаса, что длится мой странный мастер-класс, я успеваю посмотреть ролики всех мастей. Быстро добиваю натюрморт саратовской школы, где сквозняк колышет растения, правлю обивку на стуле рядом с удивлённым цесаревичем Алексеем, который, не сводя с меня глаз, прячется за массивным столом на портрете Егорнова, и чиню прореху в окне герасимовского «Полдня», от которого и вправду пахнет летним дождём. Капли упрямо стекают по стеклу, разве что не нам под ноги.

В оставшееся время причёсываю лысину Ленина на фоне самохваловских физкультурников, помогаю гранёному стакану Петрова-Водкина не дать течь, параллельно отбиваясь от разъярённой собаки, сходящей с ума от лая, и несколько раз карандашом касаюсь подсолнухов. Что поделать, если у нашего брата с фантазией не очень.

С каждым закрытым порталом по ту сторону живописи в квартире на Грибоедова становится всё тише. Голоса умолкают один за одним, скороговорка меркнет, словно фейд-аут на музыкальном альбоме. Переход слишком плавный и медленный, чтобы вызвать раздражение.

Заканчивается всё обязательным Петром I, благодаря мастерству Горского приподнимающим занавески у постели маркизы Ментенон в окружении своей свиты. И это единственный раз, когда у меня в этот странный день дрожит рука. От взгляда самодержца, пусть я и уговариваю себя, что это не более чем иллюзия, становится не по себе. Сам будущий император в отличие от агрессивного мужика из сельской пасторали даже не пытается покинуть холст: не произнеся ни звука, он решительно выходит в дверь, увлекая за собой трусящих на небольшом расстоянии сподвижников, и оставляет три фигуры в покое. Поправляю книгу в руках одной из монахинь и готовлюсь принимать овации от музы. Чепчика у неё нет, чтобы подбросить в воздух, но мне вполне достаточно и простой похвалы. Ну или дружеских объятий. Впрочем, как всегда в такие моменты триумфа самого триумфа не происходит.

– Что могло случиться?

Маша возвращается после очередного обхода, уверяя, что ни одного оживлённого полотна в бывшей коммуналке не осталось, и уже готова к празднику. В руках у неё отсвечивают две запотевшие банки. В очередной раз меня захлёстывает удивление от того, насколько легко и быстро она переходит из одного эмоционально-агрегатного состояния в другое: от лица цвета накрахмаленной простыни до человека, готового пародировать эмодзи с высунутым языком. Талант так талант!

– Подай, пожалуйста!

Я показываю на россыпь инструментов, выдавших лучшие времена и покоящихся рядом с петровским холстом. Муза ставит две банки пива со слезой на стол и в недоумении протягивает мне молоток, правильно считав направление. Я второй раз залезаю на стул, открываю дверцу антикварных часов и останавливаю маятник. Кажется, даже воздух в комнате меняет плотность.

– Триггеры работают в обе стороны, – объясняю я. – По крайней мере, мне так кажется. Теперь можно и охладиться. А нет, ещё один момент.

Молоток с треском врезается в механизм. Раз, второй, третий, пока детали не начинают ливнем грохотать по полу и разлетаться в разные стороны.

– Попроси у Милки прощения за испорченную семейную реликвию, хотя не уверен, что вы встретитесь в скором времени, – говорю я. – Уж точно не в дружеской расслабленной обстановке. Слишком много вопросов, слишком мало ответов.

Мы дегустируем заслуженное пиво, прислонившись к верстаку. Маша на всякий случай выглядывает в коридор и убеждается в том, что морок победён, а выход свободен.

– Ну ты просто профи, готова признать, – после очередного глотка муза выдавливает из себя комплимент.

Самое время покраснеть.

– Мастерство не пропьёшь! – я смотрю на банку. – Хотя

стараюсь!

– Что будем делать дальше?

– Будем? С каких это пор? То есть мы одна команда? Как Гайка и Рокки? Дядя Скрудж и Миссис Клювдия? Чёрный плащ и Гусёна?

– Да, трудное у тебя было детство...

– Ты не знаешь всей подноготной. Я это ещё на видеокассеты записывал. Приезжал специально по воскресеньям с дачи пораньше, чтобы закинуть новые серии диснеевских мультиков на видик марки «Электроника».

– Какой ты дед, однако. А выглядишь лет на тридцать.

– Мне больше... Просто нарисовал себе вечную молодость.

– Правда, что ли?

– Нет, этого я не умею. Никто не умеет.

Я допиваю залпом из банки, по доброй традиции сминая алюминий, формирую арт-объект, достойный выставки в модном молодёжном пространстве, и ставлю на верстак. Девушка одобрительно кивает и повторяет за мной. Мы любуемся проделанной работой. Фигурки из вторсырья недвусмысленно напоминают бумажных журавликов из «Бегущего по лезвию», только пока нет времени задуматься об их глубинном значении и напридумывать себе лишнего.

Муза осматривается вокруг и предлагает смыться из нехорошей квартиры. На пару закрываем дверь на ключ и не спеша спускаемся во двор по широкой и некогда парадной лест-

нице, потерявшей товарный вид лет восемьдесят назад, когда неожиданно выяснилось, что разруха вовсе не в клозетах, а в головах. С тех пор ничего не поменялось.

Колодец – последнее, что отделяет нас от уличной жары, плавящихся мостовых и концентрированных ароматов, от которых здесь просто некуда деться. Мы с Машей молча двигаемся в сторону метро, картинно медленно, всячески оттягивая момент, когда нужно уже будет сказать пока.

Что-то странное просыпается внутри. Нет, не любовь. С её романтическими соплями мне, кажется, уже не по пути, но нечто более сильное, не сиюминутное и пока не опознанное. Так зудит под гипсом, когда рана затягивается, а дотянуться до неё и почесать невозможно. Какая-то странная связь, проглядывающая сквозь внешнюю броню взрослых, изо всех сил старающихся забыть, что они когда-то были детьми.

На площади возле пекарни на коленях стоит странного вида старик с посохом и в тулупе. На жаре картина выглядит ещё более сюрреалистично и отвратительно. Он жалостливо тянет руку к каждому выходящему из двери, мычит что-то неразличимое, но студенты с латте и мамыши с пирожными шарахаются от неё как от огня.

– У меня дежавю... Или я где-то его видела? – спрашивает муза, предполагая подвох.

– Это нищий с «Боярыни Морозовой», только какой-то отдельный этюд, не финалка. Всё ещё хуже, чем я думал. Если так пойдёт дальше, то скоро весь город превратится в за-

поведник нелегальных картинных мигрантов...

– Что ты собираешься делать? – перебивает она.

– Надо пошущукаться со знающими товарищами. Или им – со мной, как пойдёт. Времени остаётся немного, пока весь этот сюр доберётся до новостей – и тогда точно бомбанёт. Я тебя, пожалуй, здесь оставлю, прости. Чуть позже спишемся. Мы вроде теперь как Бонни и Клайд.

– Не дай бог! – говорит она, но кивает головой – непонятно, на что именно. – Они не очень хорошо закончили.

– Зато в кино за ними бегают Кевин Костнер с Вуди Харрельсоном. Лучше, чем ничего.

– Жить надо так, чтобы не было соблазна в твою честь назвать улицу.

Муза смотрит на номер дома по каналу Грибоедова.

– Резонно.

Пару секунд уходит на то, чтобы кто-то сделал первый шаг и предложил по-дружески обняться или хотя бы махнуть рукой. Но в итоге Бонни и Клайд просто расходятся, словно дуэлянты. Она в сторону Невского по петляющему каналу, я в направлении метро, чтобы телепортироваться на Петроградку, где живёт Репин. По дороге мучительно раздумываю, что захватить с собой, ведь разговор предстоит непростой. Но в итоге решаю, что лучший мой подарок – это я сам, и меня проглатывает холодная пасть подземного перехода, чтобы докинуть до турникетов. А сердце всё же не на месте – тучи сгущаются во всех смыслах.

Паблик «Голуби наследили»*1 млн+ подписчиков***18.00**

Наши почтовые голуби нашептали, что масштабная художественная выставка «Пере-ДВИЖ», которая должна открыться через три недели в Российском музее (РМ) в Санкт-Петербурге и собрать знаковые работы классического периода с тридцати площадок страны, оказалась под угрозой срыва. Как сообщил на условиях анонимности нашему паблику сотрудник РМ, на ряде уже привезённых в Северную столицу картин, в том числе знаменитой «Тройке» Перова из Мамонтовской галереи, обнаружили дефекты, которых не было перед отправкой из столицы и других городов. Какие именно, он раскрывать отказался.

– Сложно объяснить, мы с таким ещё не сталкивались, – отметил в переписке Иван (имя изменено). – Но это сродни стихийному бедствию. Открыть выставку с этими «артефактами» мы просто не имеем права. (грустный смайлик)

По словам сотрудника, руководство находится в замешательстве и не приняло окончательного решения о судьбе выставки.

Пресс-секретарь РМ Надежда Безответова в разговоре с

«Голуби наследили» отказалась комментировать слухи, отметив только, что «они не соответствуют действительности». Более подробные разъяснения РМ готов предоставить по письменному запросу, который «рассмотрят в соответствии с установленной процедурой».

Представитель Мамонтовской галереи Пётр Незнаньев рассказал «ГН», что подготовка к выставке идёт по плану и ни о каких артефактах руководству музея неизвестно.

– Наши сотрудники постоянно находятся в Петербурге, – отметил в комментарии Незнаньев. – Сложно сказать, кто распространяет эти слухи и, главное, зачем. Мы воспринимаем это как скоординированную атаку на крупнейшие музейные площадки в стране. Оценку всему этому должны дать правоохранители.

15

На пороге стоит сонный и взъерошенный Репин: в растянутых штанах, с полуоткрытыми глазами и страдальческим выражением на лице, которое то ли олицетворяет всю давящую на него тяжесть мира, то ли выводит на дисплей сообщение: «добейте меня». Словом, жалкое и почему-то греющее душу зрелище.

– О, Савва бабу притащил! – говорит он с неожиданно просыпающимся интересом. – Красивая! Хвалю!

– Эй, дружище, стопэ! Ничего, что я вообще-то здесь

стою? – решительно вклинивается в разговор муза.

За словом в карман не полезет.

– Ничего! – лениво отзывается Репа. – Это места общего пользования. Стой, где хочешь.

Девушка готовится к затяжному монологу, который не сулит ничего хорошего, но я сомневаюсь, что начать знакомство вот так – блестящая идея.

– Маша, это Кирилл! Он же Репин, Репа. Кирилл, это Маша!

Представляя их друг другу, я на всякий случай безапелляционно улыбаюсь, как коммивояжер, продающий уникальный стиральный порошок.

– Вашу Машу! – почти орёт владелец мансарды и убегает в неизвестном направлении. – У меня же кофе на плите!

Через пару секунд возвращается, растерянно пожимая плечами:

– А нет, я же капсульную кофеварку купил... Блин, сон такой классный, если бы не вы... Ладно, что мы там хотели? Вообще-то пообщаться с глазу на глаз. Тет-а-тет, как говорили французы в сожжённой Москве. Без бэ уж точно.

– Бэ это кто? – снова закипает муза вместо несуществующей турки с плиты, но я вовремя её останавливаю.

– Она всё знает.

– То же мне... А вы уже того, фифти-фифти? Тогда чего она там не видела?! Не надо стесняться – любви все возрасты покорны. Блин, а чего ты такой грязный? Слушай, Ма-

ша, без обид, но непритязательный у тебя вкус. Притащила с улицы бездомного...

Репа пытается причесаться одной рукой, напоминая тощего кота, вылизывающего шкуру, но тут до него доходит. Что именно, по глазам непонятно, хотя в муках он всё-таки рождает полтора слова:

– Эээ, маляр?

Я отрицательно мотаю головой. Малярами мы называем тех, у кого проявились способности к творчеству вроде моих, но либо слишком слабо, на грани гаснущей на ветру свечи, чтобы почти сразу исчезнуть, либо без какой-либо перспективы. Так, чуть-чуть побаловаться, удивить соседей и потом, лет через двадцать, показывать детям балаганные фокусы.

– Возможно, медиатор.

Лицо Репина искажается в непонятной гримасе, он судорожно хватается за ручку двери и тянет её на себя.

– Вообще не смешно! К чёрту иди!

– Мы от него пришли!

Я ставлю ногу по ходу движения как барьер – не сломаешь. Меня начинает распирает злость, а Кирилл прекрасно знает, что следует за ней. Но вспоминать наши баталии под этой крышей не время. Хотя тогда мы разгромили всё, как мальчишки.

– И тебе лучше узнать всю историю. Я только что попал в заваруху и мог вообще до тебя не добраться... Если бы не она!

В такие моменты Репа становится похож на молодого Уиллема Дефо с характерной мимикой, обречённой на «Оскар», но так и не снискавшей заветной статуэтки. Он жестом предлагает нас пройти внутрь.

Я впускаю недовольную музу, которая вот-вот лопнет от злости, и захожу следом. Кирилл закатывает глаза, провожая Машу с головы до ног взглядом, и показывает мне большой палец. Хочется его прибить, но пока он мне ещё нужен.

– Живут же люди!

Муза оказывается в знаменитой репинской мансарде, где повсюду творческий беспорядок, а для друзей попросту: срач. Но креативный и в некотором смысле даже изящный – упорядоченный хаос. Столы ломаются от ассортимента, который прекрасно бы подошёл любой уважающей себя барахолке в старом районе, когда дедушки и бабушки приказали долго жить, а их внуки не оценили ценность закровов.

Оборванные наброски хмурых пейзажей с недорисованными потоками воды соседствуют со стопками книг, пачками пожелтевших листов из принтера и разбитыми морскими раковинами. А как здесь пахнет! Ветер, пробивающийся сквозь приоткрытые окна, разбавляет калейдоскоп из запахов краски, кофейного аромата и той самой знакомой всем сырости.

– Хорошо быть близоруким, – говорю я, оглядываясь по сторонам.

Нога висит над подозрительной лужей на полу. Она

огорожена лентой, как место преступления.

– Почему? – интересуется хозяин апартаментов.

– Сразу кажется, что дома не так грязно.

– Почту это за комплимент.

По всему периметру мансарды, как обычно, выставлены мольберты, но на них мало креатива – всё какая-то банальщина и скукота. Впрочем, балаганные этюды для развлечения клиентов, не обезображенных тонким вкусом, расходятся вполне неплохо, так что Репин не бедствует.

– Кофе хотите?

Хозяин внезапно проявляет человеческие черты, а у этого месторождения сарказма подобные жесты бывают редко.

– Собираешь угощать даму робустой? Я знал, что у тебя нет совести.

Репина питает что-то неопределённое и с мордой побитой собаки следует к бару, который запрятан на кухоньке в дальнем углу. Возвращается с бутылкой приличного каберне и аккуратно разливает по бокалам – неожиданно чистым на фоне его хаотичной студии. Протягивает один из них музе, самый полный, и устало валится в кресло, приглашая нас присоединиться. Я снимаю со стула кипу бумаг и кидаю их на верстак.

– Что пишешь? Опять какую-нибудь высокопарную муть? Толстой из Ясной Поляны не телеграфировал?

– Сам ты муть! – надувает губы Кирилл.

– Ты ещё и писатель? – спрашивает Маша, утопая в крес-

ле.

– А кто нет? Сейчас все писатели, – отзывается Репа и показывает на стопку. – Как и всегда. Кто освоил буквы на уровне детсада, тот учится их складывать. Ну вот, извольте, самый свежак. Исторический роман. Значит, год эдак 1845-й. Петербург. Пушкин и Лермонтов не погибли на дуэлях, а Грибоедова не убили в Тегеране. Это, конечно, повредило их карьерам, классиками они не стали, ну и мало времени прошло. Маркетинг без смерти у поэтов никуда не годится, ты знаешь. И вот в один из тёмных осенних вечеров, глаз выколешь и хрен чего увидишь, тем более дует изрядно, как у нас принято, заходят они в трактир. Выпить, закусить, поболтать. Сюжет ещё не докрутил...

Мы пьём вино, почему-то забыв о цели визита. Да и сам барин, кажется, вошёл во вкус и всё больше погружается в ауру собственной гениальности.

– Когда они уже заметно набрались, в трактир заходит Гоголь. Берёт кружку, пытается подсесть к троице, но его не пускают. Почему? Я пока сам не решил. Может, у вас есть идеи? Говорят: занято, хотя места полно. Тогда Николай Васильевич отвечает: мол, хрен с вами, но вы отсюда не выйдете, пока втроем не напишете одну книгу. Свет тускнеет, мелодраматический момент, а за дверью...

– Зомби? – робко спрашивает Маша.

– Нет, какие зомби?! – растерянно отвечает Репа, выходя из тумана своего монолога. – Хотя погодите, зомби же в

тренде. И на экранизацию норм... Короче, тьма там за дверью – и больше ничего. Вообще ни дорог, ни деревьев, ни мостовых. Словом они в другой реальности. Делать нечего, надо писать. Пушкин говорит: раз я ему подсказал сюжет «Мёртвых душ», давайте напишем второй том, но очень плохой, чтобы ни один издатель эту книгу не опубликовал. В общем они накидывают на страницы всякую чушь: Чичиков ездит на медведе, дерётся в стиле кун-фу, в тюрьме делает татуировку «Над кем смеётесь» во всю спину – и всё в таком духе. Отдают этот шедевр Гоголю, тот читает, ужасается и сжигает на фиг...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.